

К 75-ЛЕТИЮ
ПОБЕДЫ!

ВОЙНА. БЛОКАДА. ПОБЕДА!

*«память моя
блокадная...»*

К 75-летию Победы

Сборник

Война. Блокада. Победа!
«память моя блокадная...»

«Алетейя»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сборник

Война. Блокада. Победа! «память моя блокадная...» / Сборник — «Алетейя», 2021 — (К 75-летию Победы)

ISBN 978-5-00165-198-7

В сборник входят дневники, рассказы, стихи посвященные Войне, Блокаде, Победе. Действие произведений происходит преимущественно в блокадном Ленинграде и его окрестностях, в некоторых — выходят за пределы Ленинградского и Волховского фронтов. Разнообразен профессиональный состав авторов сборника — это профессиональные поэты и прозаики, журналисты прессы и легендарного Ленинградского блокадного радио, деятели кино и театра. Их мемуарные очерки привлекли внимание новизной и редким материалом. Иллюстрируют сборник архивные фотографии. Все тексты публикуются в авторских редакциях. Сборник адресован самым широким кругам читателей, которых интересуют и волнуют военные страницы истории нашего Отечества. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00165-198-7

© Сборник, 2021
© Алетейя, 2021

Содержание

Чего можно ожидать и чего ожидать не следует от этой книги	6
Всеволод Вишневский	8
Страницы блокадного дневника 1943 года	9
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Война. Блокада. Победа!

«Память моя блокадная...»

© Н. Н. Сотников, составление, комментарий, послесловие, 2021

© Н. Ударов, стихи, песни и поэмы, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Чего можно ожидать и чего ожидать не следует от этой книги

Обращение к читателям

Когда начинаешь заниматься той или иной темой специально, систематически и глубоко, то сперва возникают, а затем укрепляются первые выводы, которые с годами становятся окончательными.

Литература о блокаде и тем более о Великой Отечественной войне огромна и разнообразна и в жанровом отношении, и в тематическом. На такую исчерпывающую полноту я с самого начала не претендовал, но твёрдо решил, что буду готовить как автор проекта и как составитель именно коллективный сборник литературно-публицистического толка. Допустил я и исключения – чисто информационные материалы и подборки не потому, что был пленён их литературными достоинствами, а потому, что строго для себя определил – этого широкий читатель не знает, а знать надо, просто необходимо!

Крупные по объёму произведения я даже для предварительного плана не рассматривал. В итоге в сборнике лидируют рассказы и очерки. Костяк книги составили ПИСАТЕЛЬСКИЕ ДНЕВНИКИ, именно так их в целом можно и нужно называть. Писательскую руку, писательский почерк видно сразу даже в том случае, если текст в целом или тем более отдельные записи, мягко говоря, шедеврами не являются, но они смело спорят с историческими трудами разных лет и заметно среди них выделяются. Даже обстоятельные, кропотливые монографии (будем откровенны, а иначе нельзя!) скучноваты, и я должен признаться, что над многими из них начинал дремать, осилив даже не всю книгу, а какой-то десяток страниц. Писательские же дневники при всех их недостатках, при всём субъективизме не позволяют с ними легко расстаться, напротив, к таким дневниковым записям невольно обращаешься вновь и вновь.

Разумеется, включены в сборник только авторы советские, исключение составляет лишь Лидия Осипова с её бесспорно русскими текстами, но также бесспорно глубоко нам враждебными, почему я сделал для неё исключение, вы поймёте сами, дойдя до раздела *«Преступление и наказание»* во втором выпуске нашего сборника.

Среди моих авторов есть и те, которых не назовешь не только гениальными, талантливыми и просто способными литераторами, но и литераторами вообще: это специалисты, знатоки своей профессии, своего любимого в жизни дела, люди знающие, увлечённые. Иногда и у них можно без труда найти вдохновенные слова, удачные образы, примеры. Они не только очевидцы, но участники многих знаменательных событий, порою уникальных, их очерковые записи в нашем сборнике, как правило, довольно короткие, но информационно насыщенные.

И вот тут самое место сделать чрезвычайно важную оговорку. Слишком специальные, явно не для широкого читателя тексты я в сборник не включал принципиально, постоянно памятуя случай, который произошёл с моим старшим товарищем и коллегой: он обнаружил интереснейшее в военно-техническом отношении открытие блокадной поры, описал его, а вот популяризировать не смог, так как говорить о таких явлениях просто и доступно – это особая школа, особый талант. Недаром наш декан профессор А.Ф. Бережной так и не сумел найти педагога для творческого семинара *«Мастерство научного популяризатора»*.

Перечитал я в ходе работы немало изданий, в том числе и кустарных, самодельных (в том смысле, что печатались они в ведомственных типографиях, сотрудники которых опыта работы сугубо книжного не имели) и буквально схватился за голову: такие тексты наш сборник погубили бы! Особенно это касается различных технических наук и медицины. Читать и постоянно рыскать по справочникам – удовольствие сомнительное!

На иллюстрации я не скупился. Они тоже бывают разными: есть общеизвестные, но очень уж выразительные и мастерски сделанные, есть сделанные так себе, но уж больно материал редкостный. Заранее должен извиниться: далеко не всех фотографов удалось установить. Там, где авторство фотомастера бесспорно, фамилия даётся. В сомнительных случаях фотография остаётся в летописном строю, но безымянной.

В нашем сборнике немало поэтических произведений. История с ними примерно такая же, как с фотоснимками: я не побоялся повторить в юбилейной книге хрестоматийно известные стихи, но стремился максимально расширить читательские представления о творчестве поэтов разных поколений. А то ведь получалось обидно: во имя широкого представительства (по фронтам, по военно-учётным специальностям) в сборнике разных минувших лет попадали произведения откровенно слабые.

Лучший учитель, лучший редактор – само наше текущее время. Оно вносит существенные коррективы в оценки. Не скрою – с большим трудом отобрал минимум стихов для *книги в книге* (у нас в сборнике именно такая форма подачи поэтических текстов главенствует) Михаила Луконина. Эта подборка, пожалуй, самая маленькая из всех. Я уже не говорю об авторах объёмной книги «*Стихи поэтов, павших на Великой Отечественной войне*», вышедшей в свет к 20-летию Победы в большой серии «Библиотеки поэта». Многие имена и произведения не выдержали испытание временем.

Само время внесло определённые и чаще всего бесспорные коррективы в восприятие давно написанных произведений. Только об этом можно было бы писать объёмную и очень трудоёмкую статью. Этот фактор тоже сбрасывать со счёта нельзя.

В основном речь у нас идёт в плане творческом прежде всего о писателях, но иногда у нас слово предоставляется представителям других видов искусства. Это кинорежиссёр Сергей Герасимов, график Андрей Ушин, живописец Дмитрий Бучкин, композитор Василий Соловьёв-Седой.

Довольно широко у нас представлены журналисты. Особенно «повезло» текстам Матвея Фролова и Лазаря Маграчёва. Их чисто радиальные приёмы чувствуются даже в печатных текстах. Есть (и немало!) рядовых газетчиков, которые работали в дивизионных, армейских и фронтовых газетах, к проблеме «*писатели и журналисты*» мы ещё вернёмся в послесловии. Она по-прежнему актуальна и злободневна.

Убедительно прошу (особенно мужчин – профессионалов в военном деле) не ждать детального разбора боёв, операций, сражений, погружения в специфический мир военной жизни. Были мастера литературы, которые вообще оружия в руках не держали, на фронтах не были, а сумели сказать своё неповторимое слово о войне и воинах. Вы уже догадались, что речь идёт о Михаиле Исаковском.

Итак, прошу вас начать изучение книги. Она – перед вами.

Составитель

Всеволод Вишневский **Из дневников военных лет**

Всеволод Вишневский в годы блокады

Страницы блокадного дневника 1943 года

Как после бурь и наводнений, как после войн и долгих испытаний, неизменно поднимался и хорошел Ленинград, так будет и впредь. Верь этому, товарищ, брат, друг. Ты сын великого, самого великого, поразительного народа, чья мощь, гений и творческие силы необъятны. Всё залечим, всё отстроим. На диво миру развернём такие новые пятилетки, построим такого размаха дороги, каналы, порты, вокзалы, заводы, фермы, города, дворцы и парки, – что станет страна наша местом паломничества.

Покажем гостям и руины, и заросшие и оберегаемые ленинградцами дзоты, и оставленные кое-где, как памятники, почерневшие дома, шрамы на стенах и скажем: это память об Отечественной войне, о Победе, а вот – что вокруг...

И взгляд твой и твоих гостей залюбуется Россией, нежным дымчатым воздухом её, небесами милыми, лесами и нежными перелесками и бескрайними просторами, где хозяйева, труженики – мы и только мы.

Восстановим здоровье усталых, раненых, больных. Вдохнут они хвойно-солёный запах лесов на тихих берегах наших морей или горный озон на Карпатах, на Кавказе.

Верь, товарищ, что восстановим и любимые свои места: и прохладу и прелесть парков Пушкина, и убранство, роспись и алебастровую лепку дворцов, и воскресим эхо в сверкающем зале Екатерининского дворца. Оно откликнется радостно на весёлый русский голос.

Отлита будет вновь статуя Самсона в Петергофе, и брызнут, шипя, огромные бело-радужные струи фонтанов среди зелени парка. Геркулес обопрётся вновь на палицу у чудесной Камероновой галереи над озером, где чесменские орлы. Влюблённые, взявшись за руки, вновь будут бродить по аллеям, признаваться, мучиться, ревновать, терзаться, мириться и сгорать от счастья...

Это будет непреложно.

Вновь зашумит мирный труд. С песнью пойдут строители, каменщики, монтажники. В творческом возбуждении натянут ватман на доску архитектор, инженер.

Это будет! Порукой этому – вечная жизнь России, беспредельная мощь её духа, трудоспособность её, бескрайняя жизнетворящая сила.

Но, товарищ и друг, – мы не придём с тобой в этот солнечный парк, в гости к Пушкину к истории, к тишине, отдыху, музыке и литературе «по лёгкой, гладкой дороге».

Мы пройдем с тобой, ленинградец, ещё сквозь холод и бои, сквозь огонь, грязь, муки, кровь, стоны и скрежет; ещё хлебнём забот.

Наш мозг будет напряжён, и мы не позволим ослабнуть этому напряжению. Мы будем думать – и даже сны видеть – о войне, о борьбе, о деле, о наилучших способах достижения Победы, об уничтожении гитлеровцев. Она достигается не только в высоких штабах или в цепи, в поле, у обложенных немецких дзотов, огрызающихся огнём.

Путь к Победе – это непрестанное трудовое и духовное напряжение, дисциплина, требовательность к самому себе и к другим...

Мы многих потеряли – никогда в жизни таких потерь, такого горя мы не испытывали, как за последние полтора года. Но разве мыслимо поддаться? Немецкие глаза следят за нами: кто у русских сойдёт, кто потеряет веру, у кого потухнет огонь в сердце и в очах, у кого ослабнут руки, опустятся устало плечи.

Не поддавайтесь этому – те, у кого и самое большое горе. Город, сам Ленинград, с живой душой, такой большой, всё испытавший, – говорит тебе: держись, друг! Город кладёт свою большую ласковую руку на голову твою и гладит тебя.

Он как отец – в нашей дружной, хорошей питерской семье. Каждый сумеет, должен суметь одолеть трудности войны, осады. Есть у тебя боль, горечь потерь, щемит сердце и душу

– скажи, объясни себе: во всём виновен враг, Гитлер. Ты ведь запомнил то, что говорил этот враг, обрекая тебя, твою семью, твоих близких на мучения и смерть. Зажгись огнём личной мести! Скажи себе: «Я буду мстить – в бою и в труде, неустанно – до последнего дня войны». Скажи себе: «Я буду, я хочу быть свидетелем обвинения на суде над Гитлером. Я миру расскажу свою обиду, боль, горе».

Иди же вперёд, – и сделай и горе, и боль свою орудиями борьбы – во имя России, во имя правды, во имя всего человечества. Иди и дай слово – терпеть... И боль твоя утихнет и претворится в дела, в подвиг, – на душе станет хорошо. Иди в общих крепких рядах. Вот, почувствуй, локоть соседа. Вот крепкие плечи! Смотри – какие кругом товарищи!.. Шёпот по миру идёт: «*Это – ленинградцы*».

Ровной поступью, со старыми знаменами, помнящими Полтаву, Лесную, Гангут, Измаил, Альпы, Бородино, перевалы Балкан, помнящими 1905 и 1917 годы и дни 1918 и 1919 годов, – идут ленинградцы.

Ты ещё обстреливаешь нас одиночными орудиями, с дистанции в 30–35 километров? Ты ещё пробуешь посылать самолёты, хотя мы их угробили под Ленинградом *больше двух тысяч*? Хорошо – ты получишь ответ!

Ленинградцы заняты делом. Надо держать возможно более высокий производительный уровень. Больше орудий, мин, снарядов, пулемётов, автоматов, гранат, больше боеприпасов. Зальём немцев огнём и металлом!

Больше рейсов на железной дороге. Больше рейсов на Ладожской автодороге. Больше рейсов трамваев, автотранспорта.

Каждый ленинградец должен для 1943 года наметить свой план повышения и улучшения труда и сказать Родине, Ленинграду: «Обязуюсь честью сделать больше, чем в любой предыдущий год моей жизни». Понимаете? Так нужно!

Далее. Держать город в чистоте и порядке. Всё хозяйство должно функционировать чётко. Оглянитесь, пожалуйста, вокруг и, если есть недочёты, – лично займитесь наведением порядка.

Вы хотите отметить новый 1943 год хорошо и радостно? – Что может быть лучше наведения образцового порядка и чистоты вокруг? Пусть каждый будет подтянутым, пусть его вид говорит об уверенности и бодрости. Заросшие, грязные, опустившиеся люди противоречат Ленинграду. Чистота украсит город, даст бодрый импульс и будет символом нового 1943 года. Ленинградцы встречают его по всем правилам, как доброго вестника.

Далее. Присядь, товарищ, гражданин, гражданка, к столу, напиши письмо бойцам... Девятнадцатый месяц беззаветно бьются командиры, бойцы – в окопах, на море, в воздухе. Обласкай их добрым словом, навести в госпиталях, одари скромным подарком, согрей. Напиши, скажи бойцу о том, что город наш мы бережём, лелеем.

В городе нашем за полтора года войны, осады вызрели новые силы. Сделаны многие научные и технические открытия, есть просто замечательные... Повысились нормы выработки! В городе нашем, как никогда, крепко ощущение высокой гражданственности, дисциплины, личного и коллективного долга. В этом все убедились – и это входит по праву в краткий баланс, итог, который мы с вами сейчас подводим к Новому году.

Мы оставили позади неопишимо трудные месяцы, равные по силе дел, эмоций, переживаний целым годам. Граждане города оказались достаточно энергичными; знамя города, принятое из рук отцов, они не опустили, а подняли ещё выше.

Крепче же нашу братскую спайку, друзья ленинградцы! Одна поглощающая мысль да владеет нами: отбили пять гитлеровских попыток взять Ленинград. В шестой же раз пусть будет громовой наш удар и прорыв блокады. Готовить удар днём и ночью, упорно, самозабвенно, сил не жалея. Мы должны сейчас трудиться, как никогда, каждый на своём участке. Всю волю миллионного города – в один узел. И ударить! Ударить так, чтобы немцы не оправились!..

Нас спросят: можем ли мы, ленинградцы, это сделать?

Можем. Есть люди, силы, великолепный дух, опыт, есть первоклассная техника...

1943 год на пороге. И этот год будет наш! Идёт он по русскому морозцу, лапу нам протягивает. И мы протянем: «Ну, здравствуй! Давай-ка, брат, на Гитлера, всем весом». Он улыбается: «Всегда готов!» Примет пост и дела у нашего 1942-го (неплохо послужил), взвалит груз на себя, крякнет и шагнёт вперёд...

Так вперёд же, друзья! Вперёд, храбрые офицеры и бойцы Ленинграда, вперёд, доблестные офицеры и моряки Краснознаменной Балтики! Вперёд, неустрашимые стоические рабочие и работницы нашего города! Вперёд, люди науки, техники и искусства – благородные носители культуры России, старого Петербурга и ныне Ленинграда!

Дни прибывают... Это светит нам вздымающееся солнце Победы.

Из новогодней речи 31 декабря 1942 года

Ленинград

(1 января 1943 – 10 декабря 1943)

1 января 1943 года

С утра повтор шестинедельной сводки. Она выдержанная, выразительная, точная. – Решается судьба немецких войск в излучине Дона; вопрос о Северокавказской группировке немцев и пр. Речь идёт о более чем ста немецких дивизиях... Шестьдесят с лишним дивизий разгромлены или окружены; положение остальных, говоря языком берлинского радиобозревателя, – «серьёзное»...

Хорошие отклики на моё радиовыступление...

Делаю записи по обзору «Трёхсотлетние отношения между Россией и Англией» (1553–1853 гг.)...

Один радиоинженер вернулся из глубин Сибири. Ленинградский завод организовал там два своих филиала, сохранив часть завода и в Ленинграде. В результате производство радиоаппаратуры заводом – в целом – выросло в *восемь-девять раз!* Вот пример технических возможностей! Аппаратура идёт стандартная, прочная. У немцев принципиально нового в трофейном имуществе не обнаружено.

Из рассказа радиоинженера:

«Москва полуосвещена; на колхозных рынках картофель стоит 50 рублей, масло – 800 рублей килограмм (у нас свёкла – 350 рублей килограмм, картофель, видимо, до 500 рублей)...

Вдоль сибирского пути много новостроек. Есть стройки, рассчитанные на 1944 год. Непрерывно идут эшелоны с танками, самолётами, орудиями...

В городах электроэнергию дают главным образом на заводы и фабрики. Население живёт пока без электрического освещения.

В Минусинском районе – народ сыт... У моей хозяйки (с двумя детьми) запас в триста пудов картошки, восемь бочек капусты. Она получает *по два кило хлеба за трудодень*... Работают женщины и дети до шестнадцати лет. Большинство мужчин – мобилизованы...

Пространства невероятные, а людей мало... Проедешь на лошадях километров пятьдесят и, может быть, встретишь одного человека...»

Продолжал выписки по обзору англо-русских отношений.

До 6 утра не спал – утомление, нервы... Читал «Тысячи падут»¹. Это интересная книга о разгроме Франции. Но как далёк дух и стиль западных авторов от нас! И хорошо, что у нас всё по-иному.

«В последний час». – Штурмом взяты Великие Луки; на Юге – Элиста, Троицкое и др. пункты по реке Яшкуль. Наши выходят на кавказские коммуникации и тылы противника...

2 января 1943 года

Тихо, мягкая погода... В небе – голубые просветы...

К часу дня пошёл в больницу имени Эрисмана. Помимо всех консилиумов и пр. – надо проверить зубы.

Осмотрели меня два отличных челюстника-хирурга... Удалили зуб мудрости (возможно, в нём крылась причина моих головных болей). Благодарю докторов, беседуем об их практике во время войны...

Слушал радио... Видимо, операции на Центральном фронте, в частности взятие Великих Лук, преследуют крупные цели. Это выдвижение в сторону Двинска... Хотелось бы полного отсечения немецких войск, перехвата Двинско-Псковской железной дороги и выхода на прибалтийские коммуникации.

На экранах кинотеатров Москвы возобновили мой и Э. Шуб² фильм «Испания» (выпуск 1939 года).

Снова вёл записи об англо-русских отношениях...

Ночью читал «Пальмерстон» К. Маркса...³ Блестящий очерк-памфлет. Много звучит как характеристика современных английских деятелей.

4 января 1943 года

Снежно, тихо...

Сводки дают впечатление нарастания ударов, чередующихся на разных фронтах... А в резерве ещё Карельский, Ленинградский, Волховский, Северо-Западный и Калининский фронты, южная часть Центрального, Брянский, часть Воронежского. Нет сомнения, что и эти силы будут использованы до весны, до распутицы. Сейчас идёт планомерная гигантская южная операция и вызревает новая: видимо, окружение на Северо-Западе с целью отсечения немецких армий от восточно-прусской границы.

Подготовил доклад к собранию писателей – о ходе войны. Это некоторые мои военно-исторические размышления за последний период: о немецких и советских раненых школах, доктринах; о Восточном плане немцев; о Гофмане и др.; о Гитлере и его военной «практике»...

Англии ещё раз даётся возможность показать себя. Думаю: а не демонстрация (не блеф) ли вся эта высадка в Северной Африке, шум об Италии и пр.? Не есть ли это «дымовая завеса» для главного удара на Ла-Манше, или в Голландии, или в Скандинавии? Может быть, скупые слова товарища Калинина⁴: «Есть некоторые основания полагать, что активность союзников в борьбе против немецкого фашизма увеличится», – таят в себе какие-то реальные планы?

«Альманах» в Ленинградском ССП⁵. В доме неуютно, темно. Неведомые тётки у дверей; отдельная комната Гослитиздата, пустая биллиардная, холодная лестница. Наверху зал с ёлкой... Собираются туго; некоторые «обедают»... Беседовал с Кетлинской – о Зонине. Он болен, волнуется за судьбу новой книги...

---

¹ Речь идёт о книге австрийского писателя Ганса Габе. Здесь и далее звёздочками отмечены комментарии Б. Яковлева к 4-му тому Собрания сочинений Вс. Вишневского, частично использованные в этой книге. Остальные примечания составителя.

² Кинорежиссёр.

³ Имеются в виду статьи К. Маркса о Пальмерстоне (см. *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*. Изд. 1-е. Т. IX. С. 487–548).

⁴ Вс. Вишневский излагает высказывание М. И. Калинина из его новогодней речи по радио.

⁵ Союз советских писателей.

«Альманах» был довольно удачный. Точные и сухие записи *Груздева* о действиях Кронштадтского истребительного полка... Хорошие стихи у О. Берггольц. Это вызревшее, откованное... Это берёт за душу...

В. Инбер прочла несколько юмористических и шуточных стихов, милых, забавных, и внесла некоторое разнообразие.

Я поделился своими мыслями о войне: о противнике, об опыте и уроках 1914–1918 годов и т. п.

В городе – темень... Мягкая погода, выпал снег.

В булочных (в очередях) некоторые с завистью поглядывают на тех, кто уже получил хлеб... Видимо, это продолжение психоза, боязни голода, стремление скорее и больше поесть... Хотя в столовых, как говорят, изредка на столах уже остаются тарелки с *недоеденным* супом.

Вечером читал К. Маркса: Индия, Восточный вопрос и т. д. (IX том)...

5 января 1943 года

Работаю... Временами – артиллерийские выстрелы...

В утренней сводке. – Показания пленного унтер-офицера 6-й танковой дивизии: «Гитлер снимает части из Франции и перебрасывает их на Восток...».

Долго ли будет ждать Англия? Если Черчилль говорил *о тридцати трёх* немецких дивизиях на Западе, то сейчас их, видимо, меньше.

Окружённые под Сталинградом *двадцать две* немецкие дивизии истощаются. Питание – 100 граммов хлеба; едят коней (кавалерии и обозов). Некоторые гибнут от дистрофии и холода. Живут слухами: «Нам на выручку идёт генерал Манштейн. Идут танки...». Окружённые части наспех строят ряд полевых укреплений, минных полей, проволочных заграждений и т. п. Напрасно! Положение их непрерывно ухудшается.

Из новогодних приветствий. – Л. Фейхтвангер: «Многие влиятельные круги всё ещё пытаются умалить роль Советского Союза в глазах всего мира. Но каждая новая победа Красной Армии помогает разрушать этот *заговор...*». (Здорово!) Э. Хемингуэй: «Вы спасли мир от сил варварства в 1942 году, оказывая сопротивление одни, почти без помощи...».

Урал за последнее полугодие увеличил выпуск танков, самолётов, орудий и миномётов на 200–250 процентов. В *десятки* раз увеличен выпуск реактивных установок («*катюши*»). В Ленинграде налажен выпуск пятидесяти двух видов вооружения и боезапаса.

Получил испанское издание «Интернациональный литературы», № 5, где мой рассказ «В море». Там же в статье о морских писателях СССР дана краткая характеристика моей литературной деятельности и прочее...

Письмо от А. Тарасенкова⁶ торопливое, но с некоторыми московскими подробностями.

Получил пачку новых книг и брошюр, главным образом «Советского писателя». Взял книгу покойного Е. Петрова⁷. Мы не дружили – были очень разные, но хочется прочесть его книгу, чтобы ещё что-то понять в нём...

Взбурдаженность – от двух стопок книг московских приятелей и неприятелей...

Читаю Е. Петрова. Это чуть-чуть от «одесской школы», чуть-чуть от европейского репортажа, – это, конечно, штрихи, поверхностный рассказ, где всё правильно, удачно, благополучно... Порой очень точные детали, простая проза: допрос старосты-изменника; пейзаж, сторевшая деревня. О Севастополе общее, расплывчато... Мало конкретного материала. Многое (с репортажной ретушью) сплетается с анекдотизмом, с нарочитым обнажением своей «штатской» роли, с агитационными вставками... А рядом о Москве – острые писательские наблюде-

⁶ А. Тарасенков – товарищ Вишневого по журналу «Знамя» (ответственный секретарь).

⁷ Речь идёт о книге Е. Петрова «Фронтной дневник». М., 1942.

ния, интересные размышления о природе войны (о запахах её), о немецких «плановых» просчётах и пр. Минутами ощущаешь – вот документ битвы за Москву... Прорыв на «Ташкенте»⁸ так напомнил мне наш прорыв из Таллина...

Новые удары на Дону и Северном Кавказе: взяты Морозовская, Цимлянская (это замыкание третьего кольца!); взяты Нальчик и ст[аницы] Прохладная, Котля[ревская]...

Гитлер получит 30 января 1943 года – к десятилетию своего рейхсканцлерства – хорошие «подарки» от Красной Армии!

Читал брошюру В. Финка о Франции⁹. Замечательное описание: слепой комбатант в павильоне СССР ощупывает *бюст Ленина*. К бюсту ежедневно неведомо кто приносит цветы... (Помню этот павильон, толпу, жару... 1937 год!)

Прочёл книжку К. Симонова «От Чёрного до Баренцева моря». Неровная. Есть и сырые декламационные записи, сухие заметки и точная, острая запись: обгорелый труп на песке у Арабатской стрелки... Наиболее удачны очерки о Севере: «Однофамильцы», «На Рыбачьем и Среднем» и др.

Читал «Фронтвые записи» В. Ставского... Есть горячность, пыл боя, но всё это лобовой, сырой рассказ, протокольная запись.

Я, в общем, прав: *газетный материал не стоит издавать книгой*. Он ещё потребует тщательной литературной обработки, он должен переплавиться.

6 января 1943 года

Солнечно, 7 градусов мороза...

В сводке – о продвижении в Сальских степях. Темп наступления на Юге наши не теряют. Противник выводит свои дивизии из предгорий Кавказа, боясь окружения...

У союзников кислые обзоры о потере высот в Тунисе (1-й английской армией); о трудностях снабжения; о плохих погодах; о том, что 8-я армия должна помочь и т. п. ...

Дни прибывают, хотя мы это знаем больше теоретически, чем практически. Так же и с войной: «Мир прибывает...». Но путь ещё долг.

Великолепный морозный закатный вечер. Тихо. Сине-сиреневые тона, бледно-оранжевые, красноватые. Плотный снег. Прошёлся до Новой деревни и обратно. Морозец щиплет щёки, уши... Молчаливые милиционеры – на мосту. Женщины убирают снег. Одна орудует топором, – рубит дрова у будки на мосту.

Читаю К. Маркса о Восточном вопросе, политике России и Англии...

Воздушная тревога... Вспышки зенитного огня. Сильный удар, – видимо, бомба.

Затяжная тревога... Снова вспышки...

7 января 1943 года

Мороз 15 градусов... Город в холодной дымке. Над городом – самолёты противника. Воздушная тревога, стрельба. В небе синие, голубые, сиреневые разрывы.

В сводках: наступление продолжается. Названо до двадцати занятых нами пунктов.

Союзники расточают комплименты. Американская пресса пишет: «Если б теперь отвлечь шестьдесят немецких дивизий на Второй фронт – конец войны был бы приближен...» Когда раскроется правда, истинные намерения английского правительства? До какого предельного срока можно тянуть?

Иной раз внутренняя тревога: не выдохнутся ли темпы операций к весне? Пассивность англичан и американцев даёт большие возможности Гитлеру.

⁸ Военный корабль, на котором находился писатель Е. Петров при эвакуации из Севастополя в июле 1942 года.

⁹ Имеется в виду брошюра В. Финка «Во Франции». М., 1942.

Продолжаю записи по обзору *четырёхсотлетних* отношений между Англией и Россией (до наших дней).

Днём газеты за неделю с 1 по 6 января. В «Известиях» в «Красной звезде» *впервые* даётся карта фронта: положение на Среднем Дону и у Сталинграда к 1 января 1943 года.

Ряд наших предположений о втором и третьем кольце был *неправилен*. Кольцо замкнуто только вокруг 6 и 4-й танковой немецких армий (двадцать две дивизии). С севера на юг кольцо простреливается артиллерией. В последнее время кольцо уже превратилось в четыре малых кольца. Идёт дробление немецких армий. В остальном фронт обычного типа, правда, в ряде мест наши явно выходят в тыл немцам.

Несомненно, что на Северном Кавказе намечаются новые охваты и возможны окружения.

Напрашиваются следующие вопросы: 1) имеют ли немцы резервы? 2) могут ли они нанести крупный контрудар, – где, когда? Интересно описание боёв у Котельниково: там генерал фон Манштейн (бравший Севастополь, провалившийся под Ленинградом у *Синявино*) пытался соединиться с окружёнными немецкими армиями и выручить их, по приказу Гитлера, к 25 декабря – к Рождеству. Результат известен...

Беседовал с товарищем Мануйловым¹⁰ – молодым литературоведом – о пользе создания после войны *Института изучения личности*. Здесь могли бы решаться многие исторические, литературные, художественные, технические, биологические и философские проблемы на материале *сотен и тысяч биографий* творческих личностей – самых разнообразных наций, типов, профессий и т. п. Тут можно было бы изучать отдельные проблемы индивида и коллектива; творческую специфику; закономерность и парадоксы творчества во всех областях...

Вечером затяжная тревога...

Немецкое радио передаёт о сильных и опасных русских ударах; о том, что русский климат вновь вмешался как тяжкий фактор и т. п. В передачах на английском языке Берлин говорит: «Если немецкой армии не удастся сдержать напор русских, то большевики не остановятся в Европе и перешагнут Ла-Манш» (!!).

Вечером наблюдал наш заградительный огонь – своеобразная «иллюминация»...

8 января 1943 года

Из быта. – Питаюсь дома, живу на котловом командирском пайке... Временами получаю посылки. Дров на зиму запасли для всего домика. Если экономно топить, пожалуй, хватит. За пилку дров отдаю *восемь килограммов хлеба* в месяц (больше трети своего хлебного пайка). Пилит Шура – жена нашего соседа-милиционера. У них двое ребят, их нужно поддерживать, а она человек гордый и «подачек» не хочет. Помогаем им чем и как можем, а они в свою очередь помогают нам.

В одиннадцатом часу вижу сквозь запотевшее окно между деревьями сада – красный шар солнца. Он вздымается над крышами, как медленно разгорающееся пламя. В печке трещат дрова... По радио передают стихи Фета, романсы – далёкий мир, природа, пронизанная солнцем листва...

Работаю. Написал с подъёмом статью для Волховского фронта (к готовящемуся удару).

Был Л. Осипов¹¹, говорит, что есть признаки наступления. Просит дать статью о морской артиллерии, авиации и о морской пехоте.

В «Правде» интересные статьи на международные темы.

Италия маневрирует. Муссолини 2 декабря 1942 года заявил: «Наше положение заставляет нас идти с одними, когда мы хотим разрешить проблему наших континентальных гра-

¹⁰ Судя по всему, такой научный институт создан не был. В послевоенные годы В. А. Мануйлов был профессором кафедры истории русской литературы филофака Университета.

¹¹ Редактор газеты «Красный Балтийский флот».

ниц, или с другими, когда мы хотим разрешить проблему наших морских границ...» Сейчас, видимо, идёт игра, торг... Гитлер стремится удержать *Тунис*, наводняет Италию своими войсками и агентами. Сколько невидимых дел, незримых процессов! Может быть, пауза в Северной Африке связана с английскими и американскими дипломатическими ходами?

В Венгрии – опасения за исход войны; разговоры о независимости; слухи об *отозвании венгерских войск с Восточного фронта*. «Мы хотим сохранить лишь то, что нам принадлежит...». Серьёзные перемены!

Из английской прессы: «Немцы бросают к Ростову крупные резервы и говорят, что восстановят положение на Юге». Англичане умалчивают, что эти резервы – из Западной Европы.

Есть сообщение о соединении Сталинградского и Кавказского фронтов за Элистой.

Читаю Герцена «Былое и думы»...

9 января 1943 года

Ещё темно. Проснулся. Жду утреннюю сводку.

В 6 часов слушал радио. – Взяты Зимовники. «Бег к Ростову» – наши идут наперерез по Нижнему Дону и железной дороге, – немцы оттягиваются из района Моздока.

Вечером был А. Крон. Сидели у С. К.¹² Сегодня год её службы в КБФ¹³... Говорили о литературной работе, о пьесах, об осени 1942 года...

10 января 1943 года

...Продолжаю записи об англо-русских отношениях (1917–1918 гг.).

Яркое солнечно-голубое небо. Теперь дни действительно ощутимо прибывают...

Раздумья о новой пьесе...

С наслаждением читаю Ленина. Мысли его – *стремительные, чёткие, смелые. Видит события насквозь...*

К Лениным дням написал для всех многотиражных газет КБФ статью «*Ленин и военные моряки*».

Днём – центральные газеты за 8 и 9 января. – Послание Рузвельта конгрессу: чёткое, перспективное, с интересными цифрами. Крупный охват мировой войны; «безусловно серьёзные» заявления и обязательства (безусловно ли?).

Некоторые основные пункты послания.

1) Самыми крупными и значительными событиями 1942 года были события на фронтах России: непоколебимая оборона Сталинграда и наступление русских армий, начатое в ноябре 1942 года; 2) битва у острова Мидуэй и др., заторможение японского наступления в центральной и южной частях Тихого океана; 3) наступление англичан в Египте и Ливии, занятие Северной Африки.

Державы «оси» знали, то они должны либо выиграть войну в 1942 году, либо в конечном счёте проиграть всё. Они не выиграли.

На Тихом океане в 1942 году. – Стратегия, рассчитанная на измор японцев и выигрыш времени. Окончательный исход теперь может быть математически обоснован. США перейдут к широким бомбёжкам и наступлению на японцев. В этом наступлении будет участвовать и Китай, который (воздушным путём) получает сейчас столько снабжения, сколько доставлялось по Бирм[анской] дороге...

Сейчас единство между руководителями Объединённых наций реально. Оно заключается в планировании и в осуществлении широкой стратегии войны...

---

¹² С. К. Вишневецкая – жена Вс. Вишневецкого, театральная художница. Проявила себя храброй и деятельной.

¹³ Краснознаменный Балтийский флот.

Союзники собираются бить, и бить крепко: решительно и неустанно бомбить в Европе военные объекты и морские порты Германии и Италии. Где последует удар – в Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции или в Италии, или на Балканах, или через Польшу – или же одновременно в нескольких пунктах – Рузвельт пока «сказать не может».

...Рузвельт говорит о предстоящем продвижении к Берлину, Риму и Токио; о будущем полном разоружении агрессоров; о необходим[ости] согласованных действий Объединённых наций; об обеспечении свободы слова, религии, права на труд (!) и *гарантий против новой войны*. (Последнюю проблему при капиталистической системе вряд ли скоро решат.)

Воздушная тревога. Глуховатый зенитный огонь...

По ходу операций на Юге видно, что окружение *двадцати двух немецких дивизий* лишь частность – они блокированы и будут уничтожены. Стратегические цели идут гораздо дальше: видимо, это отсечение и уничтожение сталинградских и кавказских армий противника; затем развитие весенних операций с преимуществом сил и в сочетании с ударами союзников.

11 января 1943 года

Тихо, мороз спал. Днём – голубые просветы...

Подготовка к наступлению на Ленинградском и Волховском фронтах завершается. Ряд признаков в Н-ской армии: усиление деятельности штабов; некоторые намёки корреспондентам, журнал[истам]: «Погодите, через недельку будет о чём писать».

Немцы, рассчитывая на пассивность Англии и США, набрасывают с Запада дивизии, чтобы остановить наш удар на Юге... Нет сомнения, что, помимо южных операций, поглощающих немецкие резервы, грянут операции и на других фронтах, в частности (а может быть, и в первую очередь) *под Ленинградом*. Видимо, поставлена задача: пробить блокадное кольцо и смять (охватить) немецкую группировку от Ладоги до Новгорода. Январь безусловно будет активным.

Весь день писал о Кронштадте. (Родное, близкое... Стало лучше на душе.) Завтра моя книга «*Крепость Кронштадт*» будет, наконец, сдана в Гос[ударственное] лит[ературное] издательство. Долог её путь – от первых записей в кронштадтской библиотеке¹⁴.

Вечером вышел в сад... Сильный артиллерийский огонь. Тревога. (Репетиция артиллеристов или?..)

В передовой «Правды» (в связи с награждением строителей) говорится о перспективе больших строительных и восстановительных работ в Донбассе, в Приднепровье и др. (!)

Читаю о Версальском мире. – В 1918–1919 годах шла напряжён[ная] борьба за Германию, за использование её угля, индустрии и др. Франция стремилась создать континентальный блок; Англия всячески противодействовала... Будущая мирная конференция вновь поставит *проблему Германии*... Логика подсказывает: нам не надо толкать Германию в англо-американский капиталистический стан... Сейчас период крайнего ожесточения... Но уже ясно: Германию надо постепенно втягивать в сферу политических и хозяйственных начинаний СССР, приближать её культурно; подсекать возможность реваншистских настроений, легенд о «трагическом герое» Гитлере и т. п. Нужно сблизиться с рабочими, с интеллигенцией (в Германию вернутся политэмигранты), с деловыми кругами и пр. Воскрешать «дух Рапалло»¹⁵, если можно так условно выразиться. *Нельзя допустить, чтобы Англия и другие могли – хотя бы через двадцать лет – использовать Германию как таран против СССР.*

---

¹⁴ Вс. Вишневский писал «*Крепость Кронштадт*» в сентябре – октябре 1942 года. Впоследствии он неоднократно возвращался к работе над рукописью, дополнял её новыми главами, редактировал текст. В архиве писателя сохранилось несколько вариантов книги «*Крепость Кронштадт*». Ни один из вариантов опубликован не был.

¹⁵ Имеется в виду договор, заключённый в Рапалло (Италия) в 1922 г. Согласно договору, между Советской Россией и Германией восстанавливались дипломатические отношения, *взаимно аннулирующие все претензии* и обеспечивающие возможность мирного экономического сотрудничества.

Я как-то писал в этом дневнике, что в 1920 году Уинстон Черчилль отчётливо выступал в «Evening News»¹⁶, защищая необходимость сделать из Германии *плотину* против «красного варварства», обещая Германии «искреннее» сотрудничество Англии и др. Вряд ли Черчилль забыл эти серьёзные европейские планы.

Вечером, около 10.30, ко мне пришли из Пубалта¹⁷. Срочный вызов: на фронт, в Морскую артиллерийскую железнодорожную бригаду.

Отложил все дела, бумаги... Быстро собрался, – запер дневники, взял оружие и противогаз. Со мной едет Успенский, а Николай Чуковский и Мирошниченко¹⁸ в авиацию. Выезд ночью. Готовятся и из штаба и из Пубалта.

Зашёл к Рыбакову¹⁹ – он болен, но тоже едет на фронт. Сообщил мне: «Артиллерии навезли до чёрта. В 8 утра народ обрадуется... Помнишь, как били осенью? Теперь ещё хлеще будет!»

Ну, приходит наш день, всерьёз боремся!

Договорился с заместителем начальника штаба, – поеду на машине с капитаном, который везёт приказ № 08 о решении исторической задачи – *прорыве блокады*.

«В последний час». – Взятые Минеральные Воды. Пятигорск, Кисловодск и др. – весь район. Видимо – рывок конницы и танковых частей. Чтобы выйти к Ростову, надо преодолеть расстояние в 400 километров, если не больше, а наши идут наперерез по Нижнему Дону, и им до Ростова осталось менее 75 километров. Отлично!

Настроение бодрое, боевое... *Зашёл в партийное бюро, внёс две тысячи рублей на постройку катеров*.

Хорошо попрощался с С. К.

Едем мимо Финляндского вокзала. Памятник Ленину будет раскрыт²⁰... Как этого ждешь!

На шоссе – грузовики, танки. Запах бензина... Серая муть снегов...

Снова семь самолётов-бомбардировщиков (идут справа) и два истребителя – для прикрытия.

Небо серое. Розовые просветы...

Наши батареи чередуют огневые налёты и методический огонь. От корректировщиков пока сведений нет. Подвывают первые немецкие ответы.

10 часов... 10 часов 10 минут.

– Порядок?

– Порядок! Даже больные и раненые вернулись в строй – стреляют!

Низко идёт «ил», возвращается к аэродрому. В сером небе плывут ещё два «ила», – задание выполнили.

Падает мелкий снег. Небо яснее: золотисто-голубое и лишь кое-где мгла...

Пошёл на первое орудие – краска на нём шипит. Обдало горячей струёй воздуха. На батарее большинство краснофлотцев – молодые. Несмотря на мороз, работают, в одних тельняшках, разгорячённые, в поту... Они похожи на рабочих у домны.

– Снаряд за Смоленск!

– Давай – за Шлиссельбург!

– За мой Киев!

---

¹⁶ «Evening News» – английская газета.

¹⁷ Политическое управление Краснознаменного Балтийского флота (ПУ КБФ).

¹⁸ Писатели, офицеры КБФ.

¹⁹ Заместитель начальника ПУ КБФ.

²⁰ В период блокады Ленинграда памятник в целях сохранения был закрыт мешками с песком и обшит досками.

Залпы...

– А этот от Кронштадта!

Улыбаются...

Уже дали сто тридцать пять выстрелов, – материальная часть в порядке.

Беглый огонь... Пять снарядов. Осечка. Быстро исправили.

11 часов 10 минут. – Чистое солнце.

– *За колыбель Октябрьской революции – залп!*

Пошёл на командный пункт генерала Дмитриева. Наблюдатель передаёт: «Дым, плохо видно». Работают наши миномёты, «катюши». Над Манушкино кружат два «мессершмитта».

Всё время телефонные звонки: «Усилить огонь!»

Минут через сорок начнётся атака.

Ответный огонь немецких батарей. Мигает лампа, дребезжат стёкла, вздрагивает фанерная обшивка.

С 9.30 до 12.30 – батареи нашей группы должны выпустить сто тринадцать с половиной тонн металла!

Артиллерия бьёт без передышки по глубине противника. Наши наблюдатели взобрались на телеграфные столбы. Некоторых сразили осколки, но тут же на их месте появлялись другие и продолжали корректировку огня.

Немцы ведут контрбатарейную стрельбу. Отдельные миномёты бьют с нескольких мест по наблюдательным пунктам, по армейским (полевым) и по морским батареям... Немцы «вспахали» кладбище снарядами.

Наш главный артиллерийский удар – левее пятачка²¹, вплоть до Шлиссельбурга. Посмотрим, как *мы* там «перепашем». Работает больше сотни орудий. Наша артиллерия теперь в несколько раз сильнее артиллерии противника, но он может подтянуть резервы.

Сильные взрывы у 8-й ГЭС – у немцев.

– Не давать им дышать!

12 часов. – Связь рвалась до трёх раз, восстанавливали под миномётным огнём. У противника до шести узлов сопротивления – Дубровка, 1 и 2-й Рабочие посёлки и др.

Пехота просит огня.

– Кто может дать?

– Ну-ка, у Беляева есть резерв. Быстро! Дать двойную норму!

На переднем крае ничего не видно. На КП всё ходуном ходит. Бесперывный обстрел... Противник ведёт огонь по переправе. Огневой налёт.

– Прикажете усилить наблюдение!

Ещё двадцать минут – плановый огонь, а затем будем бить по выбору командиров дивизионов, по усмотрению наблюдательных пунктов и по приказам пехоты.

– Опять пришёл! (Разрыв немецкого снаряда.)

Бьют немецкие миномёты.

У орудия – девушка с двумя нашивками: золотой и красной (знаки ранения). Она сосредоточена, не обращает внимания на других.

Два «мессера»... Шесть наших самолётов... Воздушный бой у Большого Манушкино. Синхронные залпы морских батарей. (Огромный внутренний подъём!)

– Заканчиваю расход по плану. У меня – всё. (Докладывает командир одной из батарей.)

Наши танки пошли через Неву! Штурмует наша авиация.

Северная группа ещё бьёт по Шлиссельбургу. Остаётся пять минут. Кончают. Дымовые завесы. Впереди ничего не видно. Всё затихло.

---

²¹ Так назывался небольшой плацдарм на левом берегу Невы, удерживаемый нашими войсками. В истории остался как Невский пятачок.

Ровно 12 часов 30 минут. *Наши на территории противника!* Пехота рванула в атаку – по снежным сугробам, под огнём противника – вперёд! Многие идут с песнями, и ветер доносит к нам знакомые слова.

Балтийские моряки вместе с армией пошли в шестую битву за Ленинград!

Теперь будем работать по заданиям... Противник ведёт методическую стрельбу. Некоторые снаряды не рвутся. Смех... Генерал Дмитриев говорит:

– Пусть продолжают в том же духе. Принять меры к подавлению батарей противника.

Передний край совсем заволокло дымом. В данный момент наша главная задача: контр-батарейная стрельба.

Генерал спокоен, курит, иногда отдаёт приказания, которые повторяют по нескольким телефонам:

– Кормить людей обедом.

– Усилить наблюдение за воздухом – погода лётная.

Я пошёл с замполитом на батарею.

– Взять под обстрел цели 933, 750, 9611. Действуйте быстро!

На переднем крае по-прежнему ничего не видно – дым.

Яркое солнце. Искрится снег, всё серо-голубое и белое. У наблюдателей заиндевели ресницы.

С Невы доносится пулемётная и винтовочная стрельба. Залпы... Опять бьёт немецкая артиллерия, – всё дрожит.

– Что происходит?

Война – воюют, стреляют. Что может быть конкретней?!

Сведений мало. Пошли обедать в 5-й дивизион. Беседуем, но внутреннее беспокойство – непрерывно: как дела у пехоты?..

Идём (2 километра) на КП бригады.

Поступают донесения, сводки:

– Наши продвинулись до 8-й ГЭС.

– Сильнейший миномётный огонь противника. Работают и его батареи.

Темнеет. Молодой месяц... Вернулись на батарею. Топится печка... Методический огонь с 24 часов до 3 утра.

3 часа. – Подвезли новый боезапас, продовольствие, ракеты... Расстояние увеличилось – фронт продвигается.

С наблюдательного пункта сообщили: нашей пехотой уничтожено несколько танков противника.

Мёртвенно-жёлтые ракеты перемежаются с красными и зелёными. Вдали, в предрассветной мути, глухо урчит Волховский фронт, движется нам навстречу... Сообщили, что с Ладожского озера идут наши лыжные отряды.

Фронт Гитлера трещит!

Бригада получила новое задание. Командира нашей батареи вызвали на дивизионный командный пункт (в 12 километрах).

13 января 1943 года

9.30 утра. – Сильный артиллерийский огонь по направлению главного удара. Пробиваем!

9 часов 45 минут. – Наша батарея открыла огонь. Ответные залпы немцев. Разорвалось одно орудие, есть убитые и раненые. Пять человек тяжело ранены. Всё покрыто чёрной копотью, разворочено. Оторван огромный кусок казённой части, замок. Влево – лужа крови. Санитары нервничают.

Пришёл генерал, с ним подполковник и др.

День серый; тихий редкий снег... Висит «колбаса» с наблюдателями. Гул «катюш».

На моей койке лежит раненый – комендор Василий Сиваков (это ему снился сон, что «ударил и прорвали»). Стонет... Затих... У него сильный ожог и ранена голова. Пришли товарищи и унесли его в санчасть. Отправили и остальных раненых.

Надо выступить, подбодрить людей. Сказал командиру огневого взвода, чтобы стёр кровь с полущубка (он помогал санитарам).

Артиллерийский огонь...

Собрали бойцов. Выступили: замполит, командир орудия и я.

Тут же, у орудия, провели партсобрание, приём в партию.

Пришёл старший лейтенант, доложил обстановку:

– Мы разбиваем узел сопротивления у Мги. Батареи работали напряжённо... Все задания выполнили с честью. Нарушений не было.

На КП бригады. – Московская Дубровка взята! Войска идут и идут через Неву. По всей линии – в рост, винтовки на руку! Хорошо! 8-я ГЭС окружена, продвижение идёт успешно. Бьют «катюши». Фашистские собаки! Узнали, что такое морская артиллерия!

Смотрю по карте: от Дубровки до 2-го Рабочего посёлка на Ладоге – 5 километров через болота. Надо думать, что на этот раз наши их одолеют. Мы делаем своё дело, но кто нанесёт главный удар? Волховский фронт или мы с Н-ской армией?

Пролетели самолёты... Огонь противника несколько затих. Пошёл на батарею.

Выгружаем боезапас.

С КП дивизии вернулся командир батареи, сообщил нам:

– Немцы ошалели от огня. Взято Марьино, отрезан Шлиссельбург. Если дальше так пойдёт, то числу к 15-му и о нас будет *«В последний час»!*

16 часов 45 минут. – Написал с Л. Успенским корреспонденцию в газету бригады (копия в «КБФ»²²). Послал вызов А. Крону, краткую информацию начальнику Пубалта Лебедеву, привет С. К.

Канонада ослабевает. Новое продвижение. Пролетают самолёты...

Беседую с командирами и краснофлотцами. – «Почему союзники выбрали Южное направление, Средиземное море?...» – «Правда ли, что во Франции есть сдвиги? Что французские колонии объединились и создают армию против Гитлера?...» – «А французский флот не дался немцам?...» и т. д.

Записал на батарею:

*«Бумажку дашь – табак ваш,
Огоньку добудешь – вот и покуришь».*

Темнеет. Боевая тревога. Бьём уже за Московскую Дубровку, к востоку...

«Дробь»²³ – там уже наши.

Сидим греемся у печки, ждём новостей.

Получили заявку от армии: бить по колонне пехоты и танкам противника. Ударил и две соседние батареи...

Колонну рассеяли, были хорошие попадания.

Вечер. Наш огневой налёт на 8-ю ГЭС (по заявке).

Беседовал с генералом Дмитриевым об обстановке. Нами взяты на берегу Ладожского озера 1, 2 и 3-й Рабочие посёлки. 4 и 5-й должен занять Волховский фронт. Через Марьино у нас ворота: Пильня – Мельница. И таким образом части Н-ской армии всего в двух километрах

²² Газета «Красный Балтийский флот».

²³ Флотское уставное выражение, заменяющее команду «прекратить», «окончить» (сохранилось по традиции, так как в парусном флоте прекращение огня давалось *барабашной дробью*).

от наших частей, находящихся на ладожском берегу. Немцы выходят из Шлиссельбурга по лесным и болотным дорогам. 8-я ГЭС блокируется – даём по ней огонь. Бьём и по Анненскому, и по Мустолово. В целом обстановка складывается благоприятно...

Сообщили, что в 8 вечера в Ленинграде была воздушная тревога.

14 января 1943 года

Приехал Крон, привёз мне письмо от С. К... Огорчается, что из-за работы в Театре КБФ её не послали на фронт...

Ночью обстреляли базу бригады – несколько человек убито и ранено. Всё чаще и чаще заявки пехоты. Генерал говорит об обстановке сдержанно.

Яркое солнце, щиплет мороз. Идём с Кроном по шпалам на дальнюю батарею. Внезапно налетели два «мессера»: короткая очередь – сбили «колбасу», – яркий огонь, наблюдатель спустился на парашюте... «Мессеры» снизились над эшелоном, обстреляли его и ушли... Всё длилось несколько секунд, – наши не успели открыть зенитный огонь.

Свернули вправо, в лес, на батарею капитана Тарасова. Замаскированные елями землянки, шалаши; развешаны стенгазеты, лозунги. Виден порядок.

Беседа с командирами и замполитом.

Отправились к орудию № 2 – лучший расчёт. Сидим в землянке; в открытую дверь – солнце. Я расспрашиваю бойцов. Любопытные рассказы.

Боевая тревога... Дали беглый огонь – восемь снарядов – по немецкому железнодорожному транспортёру. Накрыли и подавили.

Продолжаем беседу... Успенский и Крон записывают. Это будет материалом для листовок.

...Пришёл старший лейтенант товарищ Вакула. Его батарея только что была по Мге – там большие взрывы... Сейчас буду с ним беседовать. В целом – отличные впечатления.

Написал листовку о старшем лейтенанте Вакуле (три страницы от руки). 12 января он дал 600 выстрелов взводом; на ходу менял части орудия и т. п...

К закату, в 16.30, – вернулись в эшелон батареи. Дивный вечер, розовое небо...

Немного поспал... Тихо, временами взлетают ракеты. Лунная ночь...

Побрился, выправил листовку; написал записку в «*Зал за Родину*». Прочёл газеты за 13 января: «Ленинградскую правду», «КБФ» и др.

Пришёл генерал-майор Дмитриев, он попал под обстрел на Н-ской батарее. Сообщил хорошие новости:

– Наши заняли *станцию Синявино*. До соединения с частями Волховского фронта, как полагают, недалеко. Может быть, утром 15 января... Дивизия Краснова продвигается на Мустолово, но медленнее, чем предполагали. В Н-скую армию даны морские пехотные бригады с разных участков Ленинградского фронта плюс гвардейские дивизии. Усилена артиллерия. За три дня сделано много. Сегодня в 19 часов 50 минут части Н-ской армии соединились с лыжными отрядами нашей Шлиссельбургской группы в районе 2 и 3-го поселков. Шлиссельбург отрезан – там примерно полк немцев. Соединение фронтов позволит, оставив некоторый заслон против Шлиссельбурга, начать объединённую операцию против Мги – главного узла немецкой обороны. Мгу могут блокировать, а части Ленинградского и Волховского фронтов будут наступать дальше, оттесняя противника к Тосно и западнее.

На фронте авиация противника дерётся вяло, – появляются лишь отдельные «мессеры». Чаще бывают налёты на Ленинград.

Нашей бригаде приказано: перебросить посты наблюдения на левый берег и передвинуть по железной дороге три батареи вперёд, в направлении переправ...

Огонь морской артиллерии точен и силен, – и армия его часто просит.

Мороз до 17 градусов...

Светаёт... Ракеты... Пролетают «У-2». Вдали зенитный огонь...
Делаем с Успенским карту (схему фронта) для личного состава батареи.

15 января 1943 года

10 утра. – Морозно. Резкий холодный ветер с Невы.

Идём, минуя несколько эшелонов, на батарею, которую обстреливали вчера вечером. Встретил там начальника политотдела бригады. Ещё раз вместе проверили и дополнили две листовки. Они уже сданы в печать.

На ходу побеседовал с командиром орудия...

На КП батареи. – Хороший вагон, тепло, чисто. Толковый замполит. Проверяем с ним по карте обстановку. Рядом бьют армейские орудия (*на позиции до сорока «катюш»*). Они работали и 12 и 13 января. Артиллеристы несколько удивлены слабыми ответами немцев...

За обедом – рассказ о Белоостровской операции в 1941 году:

«...Группа моряков взяла важный рубеж. Один из них всадил в гребень немецкого окопа русскую винтовку и на четырёхгранном штыке укрепил матросскую тельняшку. Ветер взметнул её, как вызов, как боевое знамя...» (Использовать для пьесы²⁴).

После обеда – наш огневой налёт, двадцать выстрелов... Быстрая стрельба, резкие команды. С дымом вылетают горячие гильзы – шипят на снегу; острый запах горелого пороха. Иногда накатники действуют туго, – три-четыре моряка плечом, спиной подталкивают орудие.

12 января наша стрельба перекрыла все нормы. Орудия накалялись... «Хоть котлеты жарь!» – шутили краснофлотцы.

Пошёл к орудию младшего командира Тыквы. Он украинец, невысокого роста, хитёр – «дядько» из запаса...

– Я у Польшу ходыв, но вийна кончылась, нэ доихав. Потім у Финляндию ходыв, в дорози вийна кончылась – нэ доихав... А тэпэр доихав – воюю.

Сидим беседуем. Бойцы говорят просто, порой метко – не успеваю всё записывать. Здесь уже *устоявшийся* фронтовой быт, люди бывалые.

Вечер 15 января 1943 года. – Зашли в землянку. Нас встретил расчёт... Моряк – гатчинский рабочий – спрашивает: «Что на фронте?» Даю сжатое описание действий за трое суток, предупреждаю, что операции фронтов бывают *длительны*. Слушают внимательно... Мечтают стать гвардейцами. Ругают бойца, который где-то достал *семьсот граммов водки*²⁵, напился и этим подпортил репутацию батареи...

Разговорился с товарищем Валецким. Он – с Дунайской флотилии, участник обороны Одессы и Севастополя. Был ранен, теперь – в обороне Ленинграда.

– Будут у меня и медали, и нашивки, и значок снайпера. (*Говорит просто, весело.*)

Иные молчаливы, думают что-то своё... Военный совет очень интересовался поведением молодых. Смогу доложить, что они держатся хорошо, равняются по старшим.

На батарее две девушки. Конечно, вокруг них «романтические веяния», «флюиды»... Одна из них – связистка, очень бойкая, хохотунья, но отлично поддерживает связь и восстанавливает линию под огнём. Другая – потеряла мужа и ребёнка... Пришла тихая, а теперь стала ругаться – нервы, усталость, озлобление.

Провёл в землянке беседу для двух расчётов (один – из старослужащих, другой – из молодых): о ходе войны, об её возникновении, о Гитлере... Моряки спрашивали: «Сколько ему лет?» – «Не покончит ли он самоубийством?» – «Как бы его живьём взять?» Спрашивали о перспективах.

---

²⁴ Вс. Вишневецкий впоследствии использовал этот эпизод в финале своей пьесы «У стен Ленинграда».

²⁵ Что-то многовато! Это же смертельная доза!

Я говорил о будущем строительстве, о восстановительных работах, об экономическом расцвете СССР. Слушали напряжённо. Было хорошо...

У краснофлотцев одно общее, определённое стремление – вперёд! *Никто не сомневается в конечной победе.*

Попил чаю, съел хлеба с маслом и зашагал обратно. Тяжёлые выстрелы со стороны Ленинграда... Луна сквозь облака. Ветер в затылок. Лес, безлюдье... Эшелоны батарей на путях...

Вспомнилась Украина в зиму 1919–1920-годов.

Особых новостей нет. Бригада била по заказам... Говорят об активности наших частей в районе Колпино и Ораниенбаума.

Слух: «Наши поехали чай пить к волховцам...» (*Так ли это?*)

16 января 1943 года

Есть подтверждение, что около 11 утра Ленинградский и Волховский фронты *соединились* у 5-го посёлка!

Совинформбюро. – Наступление на Северном Кавказе (к Дивному и Ворошиловску); наступление в районе Зимовники; снова началось наступление в районе Северного Донца, взята ст[анция] Глубокая. Таким образом, вынудив противника подтянуть резервы к Ростову, мы начали бить, охватывая их и с севера. Бои на Центральном фронте. Крупные трофеи на Северном Кавказе. В Сталинграде очищен от гитлеровцев ещё ряд кварталов. Ликвидация окружённых в районе Сталинграда войск противника близится к концу.

От боевого возбуждения последних дней все перешли к рабочему, обычному состоянию... Солдатский быт – стирка, штопка, бритьё. Надо бы в баню!

С фронта слышна артиллерийская и пулемётная стрельба. Сообщают, что противник жестоко обстреливает Ленинград. Мстит!

Наш участок – лишь частица огромного Восточного фронта. Дело *не только* в прорыве участка Мги, но и во взаимодействии с другими фронтами, в сковывании и размоле сил противника. В газете от 15 января пишут, что немцы «готовятся на Востоке к решительному удару»... Дстойно встретим!

Наши наблюдательные пункты связаны с армейской артиллерийской дивизией. Моряков уважают. Краснофлотцы-наблюдатели покуривают «Северную Пальмиру»: «Генерал прислал!»

Считают, что надо наступать *и в обход* Мги – жать на Красногвардейск. Идёт сильный бой у Синявино.

Сегодня противник бьёт из 210-миллиметровых и других орудий по переправам у Невской Дубровки и по нашим батареям. По соседней выпущено пятнадцать – восемнадцать снарядов, но жертв нет.

В 9.40 вечера – сводка и шифр:

«Войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились у посёлка № 5. В частях идут митинги. Штурмом взят Шлиссельбург; здание 8-й ГЭС окружено вплотную, немцы отстреливаются, бьют из миномётов (Надо бы уберечь здание и установки.)

Часть артиллерии противника отвлечена на Синявинский участок. Уничтожены объекты противника в квадрате «Ландыш». В районе Мустолово – упорные бои: наши прогрызают оборону противника».

Вести добрые! Наконец-то прорвано кольцо! Шлиссельбург будет базой Ладожской флотилии!

Телеграмма от редакции «Красного флота»: просят статью «Город Ленина». Надо дать... Послал через редакцию бригады телефонограмму С. К. (привет и сообщение, что срок пребывания в бригаде продлю).

Сидя у печки, храпит истопник – молодой парнишка. Я раздуваю огонь. Он просыпается и быстро говорит: «Никак не тянет» (*тяга плохая*). Пахнет керосинкой, третьеклассным вагонным жильём. На клеёнке – огромный чайник; на тарелке – чёрный хлеб. Еле светит коптилка. Из рта идёт пар. Беседуем о фронте, о разных случаях в жизни.

Полночь. Читал (впервые за эти дни) о Суворове... Мысли о будущей литературной работе. Сколько я видел! Как всё это бродит во мне! Сколько надо продумать, подытожить, рассказать...

«*В последний час*». – На Воронежском фронте наши части прорвали оборону противника. Под Сталинградом наше командование предложило командованию окружённых немецких войск сдаться. *Отказ*. Всего из 220 тысяч уничтожено до 140 тысяч. От голода и мороза у противника вымирает в день до *пятисот* человек.

Это им, хотя бы отчасти, ответ за умерших от голода, за погибших от бомбёжек и артобстрелов ленинградцев... *Какая символика – окружение, гибель, вымирание немецких войск под Сталинградом, на решающем направлении гитлеровского удара!*

17 января 1943 года

Воскресенье

Относительно тихо... Вероятно, перегруппировки и новый этап операций.

Готовлюсь к очередным беседам на батареях.

В 11 утра – вылеты нашей авиации... Идёт осада 8-й ГЭС. Упорные бои у Синявино.

Звонок из ПУ: Рыбаков просит дать к 21 января статью «*Люди и боевые дела артиллеристов*». После обеда пошёл на батарею к соседям. Падают снежок... По дороге встретил Крона и командиров батареи и дивизиона.

С подъёмом провёл беседу с личным составом. Говорил полтора часа: обзор хода войны; о нашей операции... Призывал к *напряжению всех сил*.

Сидим на КП. Топится печурка, работает телефон, рация. Вьётся дымок... Поговорили о Станюковиче, Лескове, Щедрине. Говорили, конечно, и о войне, о том, что и *без Второго фронта* у Гитлера за последние два месяца выбито примерно *семьдесят* дивизий, то есть почти *треть* его армий на Восточном фронте. Это сильнейшим образом скажется на следующих операциях. Наши удар будут нарастать и нарастать. Если бы последовали удары на Западе – дело Гитлера было бы кончено в 1943 году.

На батареях девушки шутят:

– Уже считаемся старыми моряками.

Порой из-за них возникает «*Дело о целовании часового на посту*», чему прецедентов до сих пор в военных судах армии и флота не было.

На орудийном расчёте старшего сержанта Четверикова. – Все коммунисты, многие вступили в партию во время войны. Батарея работает с октября 1941 года. Противник их обстреливал тридцать восемь раз (всего до 550 снарядов), но – никаких повреждений. Все отмечены значками, медалями, а командир и комиссар получили ордена. Этот расчёт побил все нормы по числу выстрелов. Умеют работать!

18 января 1943 года

Новый штурм 8-й ГЭС не удался... Бои – к озеру у посёлков. Видимо, контратаки противника. Подошли свежие части. Сегодня за Невой весь день стрельба, ясно слышны пулемётные очереди в направлении Мустолово.

За ужином генерал-майор сообщил: «Шлиссельбург взят окончательно. *Над собором – красный флаг*. Это в центре, у рыночной площади».

«ОВС» («один военный сказал») сообщает, что в посёлке № 5 – *банкет* соединившихся частей Ленинградского и Волховского фронтов... Завидуем!

С Ладоги к 8-й ГЭС идёт бригада морской пехоты. Эти ударят!

К вечеру – методический обстрел по соседней батарее. Свист снарядов, разрывы в восьмистах метрах. Бьют два тяжёлых орудия по площади. В расстёгнутом пальто – растерянный дежурный по станции Манушкино: «Обстреливают...» Я посоветовал ему посидеть в сторонке и успокоиться.

23.00, «*В последний час*». – **Войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда.** Заняты Шлиссельбург, станция Синявино, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка; 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8-й Рабочие посёлки. Операцией руководили Маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и Г. К. Жуков. Прорыв осуществлялся генералами Л. А. Говоровым (Ленинградский фронт) и К. А. Мерецковым (Волховский фронт).

Пришёл весёлый генерал-майор Дмитриев. Рассказывает:

– Первым пробился сквозь немецкие укрепления, с хода взяв посёлок № 1 и выйдя на соединение, батальон капитана Фёдора Собакина. Бойцы крикнули во весь голос: «Здравствуйте, Большая земля!» Волховцы стиснули их в объятиях... Какой-то майор спросил: «А где здесь моряки? – и бросился их целовать. – Ну черти, и били же ваши батареи!»

Ликуем! Какая радость для Ленинграда! *Семнадцать месяцев блокады*, мук, ожиданий... Выдержали! Вот и на нашей улице праздник!

23 часа 40 минут. – Боевая тревога! Орудие № 2 бьёт по Мге. Результаты огня: с первого выстрела – пожар. Два сильных взрыва – и батарея противника замолчала. Отлично!

Звонок из Ленинграда:

– Утром прибыть в Пубалт.

– Есть.

Мягкая облачная ночь. Все взбудоражены, строят планы... Да, в эту зиму закончился огромный цикл войны. Начался новый. *Не планы Англии на 1943–1944 годы, а русская борьба 1941–1942-годов определила ход событий.*

Итоги. – Наша южная группа – восемь батарей – дала 4812 выстрелов (171 тонна металла). Северная – ещё больше. По фронту – 450 тонн.

Выдвигать: 1. Тарасова,

2. Потехина,

3. Тыкву (старшина орудия),

4. Майора Жука (командир батареи),

5. Солдатова (командир транспортера),

6. Барбакадзе (командир батареи, дал около 400 выстрелов).

Что характерно для операции:

1. Массированность огня: наши батареи, корабли Невы плюс армейские батареи; били 3 часа 15 минут – краска на орудиях горела. Существовавшие нормы перекрыты *в десять раз!*

2. Прекрасные отзывы красноармейцев и моряков: «Идёшь в наступление, и морские батареи сразу переносят огонь дальше...» – «Жахнет орудие – точно...» (*Это подтверждают в своих показаниях и пленные.*)

3. Работали все – *включая больных, телефонисток и радисток* – безупречно. Нагрузка, считая подготовительный период, очень большая – погрузки; рубка леса под обстрелом; большие строительные работы – позиции, блиндажи, командные пункты. За последние дни перетаскивали сотни пудов боезапаса, командиры и политработники помогали. Все падали от усталости, но задание выполнили.

Это надо всё прочувствовать, видеть...

Пришло письмо от раненого комендора Сивакова. Просится обратно: «*Я хорошо буду работать, возьмите...*» Отличный дух!

19 января 1943 года

Встал затемно... Прочёл полученный по телефону подробный текст «*В последний час*». В трудных условиях прорвана блокадная линия; разгромлены *четыре немецких дивизии* и отдельные части... Уничтожено более четырёхсот укрепленных узлов противника и т. д.

В 11 часов 55 минут утра на машине – по вызову Пубалта – в город. Армейские тылы у переезда, вагоны, машины. Полустаночек, кусты, болотная русская даль... Валяются пустые консервные банки, отстрелянные гильзы... Двадцать девять лет видят глаза мои этот пейзаж войны – дальних дорог.

Стоит наша батарея – бело-грязной окраски. Навстречу – архаичный обоз с сеном; грузовики. На шоссе движения лыжников – русские и казахи. Идут медленно, видно устали. Вытягиваются к Неве.

Мглистый денёк... Окраина города, – на домах красные флаги. Что-то во всем этом особенное! Крошечная девочка в шубке важно шагает по дороге... Снова красные флаги.

Вот мы и в городе. Люди высыпали на улицы, украшенные флагами, *Ленинград взбудоражен. Прекрасный, любимый, родина моя. Ты выиграл решающую битву!*

В плане тотальной мобилизации, создания «моральной “Линии Зигфрида”», подготовки новых мобилизаций (может быть, и *пятнадцати – шестнадцатилетних*). У немцев Hitlerjugend²⁶ организована в *двадцать две дивизии*. В Германии вводятся новые экономические ограничения. Всё это уже меры спасательного порядка. Решающая всё битва на Востоке даёт себя знать. Иссякают огромные запасы. Рушится былой престиж Гитлера... Назревает неминуемый удар со стороны Англии и США. Гитлер в новогодней речи говорил, что «наступление союзников на Европу неизбежно». Немцам придётся расставить свои дивизии по десяти направлениям: СССР, Норвегия, Голландия, Бельгия, Северная и Южная Франция, Италия, острова, Тунис, Балканы...

В Шлиссельбурге взят в плен фашист-подполковник. Он выдал всю систему немецких укреплений и минных полей Шлиссельбургского и Синявинского районов, но у микрофона выступить отказался: «Честь офицера не позволяет...» (*Ха-ха!*)

Сейчас идут жестокие бои у Синявинских высот, с которых противник просматривает весь район... Надо думать, что артиллерийская и воздушная подготовка плюс общий удар наших войск решат дело. У противника есть резервы в районе Любани и других ближних пунктах, но и они будут втянуты и размотаны. Фашисты нервничают: гарнизону Шлиссельбурга сначала был объявлен приказ Гитлера «*уходить*», а затем – в отмену – «*драться до последнего*».

Наступление Красной Армии идёт широко... В районе южнее Воронежа окружены войска противника. Направленный на юго-запад «*косой*» новый удар Воронежского фронта, видимо, рассчитан на охват противника через Донбасс, может быть – Лозовую, на Нижний Днепр, чтобы срезать Кавказскую, Ростовскую и Крымскую группы немцев – буде противник побежит с Северного Кавказа в Крым.

У Ростова пока как будто пауза.

«...В проходной пять радостно возбуждённых девушек, взяв друг друга за руки, кружились и громко выкрикивали:

– Да здравствует наш Ленинград и мы!»

Да здравствуем мы! Мы – это те, кто прорывал блокаду, – бойцы и рабочие Ленинграда! *Повышается рост национального русского самосознания и гордости*. Отбрасываются некие старые критерии; мысль устремляется к духовному творчеству России; всё пересматривается! Уже сейчас заново проверяются отношения с Западом. Ставится вопрос о *влиянии русской культуры на ряд сторон жизни Запада*.

²⁶ Гитлерюгенд – организация гитлеровской молодёжи.

Мысли о послевоенной жизни. – Народ, выдержавший такое испытание, как война 1941–1943 годов, вырастает на голову. Это отразится решительно на всех сторонах нашего бытия. Может быть, будет трудно распределять работу бывшим фронтовикам, может быть, будут споры с тыловиками, бытовые драмы и пр., но в целом люди будут ещё смелее, честнее.

20 января 1943 года

Солнечно... Морозно...

Послал очерк в «Правду» о прорыве блокады. Но что можно вложить в *шесть* страничек? Написал, между прочим, что наши семнадцать месяцев в Ленинграде – это высшее и неповторимое духовное напряжение. Это так!

Обстрел города продолжается, сверкающая луна, снег...

Читаю о Родене... Немного природы, искусства, отвлеченности размышлений, настроений... Сжимается душа, весь я в предчувствии будущих работ. Неистовое желание продолжать искания в искусстве. Планы, планы... После победы я буду *года три* заниматься историей, философией, литературой, проблемами эстетики (*новый университетский курс*); буду ездить по России – по местам, где был в детстве, где был на войнах, по местам историческим.

21 января 1943 года

Мороз больше 20 градусов. Днём воздушная тревога.

Бои на окраинах Сталинграда. Немцы ещё ходят в контратаки. Упорство основательное. Редактирую свою рукопись «*Кронштадт*» (в который раз!).

Ряд писем от радиослушателей – очень интересные. У многих граждан иллюзии: блокада прорвана, конец войне, будет рай. Надо мне выступить по радио и сказать, что нас ждёт ещё много трудностей. Враг огрызается. Надо штурмовать ряд укрепленных полос, гнать врага; непрерывно и очень напряжённо трудиться до конца войны. Ленинградцы обязаны быть в *первых рядах*! Приходить в расслабленно-радостное состояние нельзя, – это опасно!

За два месяца с 19 ноября 1942 года по 19 января 1943 года убито *500 000 солдат и офицеров противника* (а сколько раненых?)... Взятые трофеи: более *6000 танков*, *12 000 орудий* и пр. Немцы нас сейчас «снабжают» вполне прилично, пожалуй лучше, чем союзники... (Парадоксы войны бывают остры и жестоки.)

Огромный общий подъём, и это не вспышка – это привычный советскому народу победный ход, лишь временно сбитый с ритма Гитлером.

22 января 1943 года

Двадцатый месяц войны! Сегодня – холод...

В госпиталях очень много раненых. 18 января ночью в палатах стояло громовое «ура»... «Недаром кровь пролили...».

Гитлер продолжает перебрасывать войска из Франции, Бельгии и пр...

В Германии повторные симптомы внутренних осложнений. Геббельс грозит «консерваторам» (оппозицион[ерам] всех видов) расправой в *духе 1943 года*, когда были убиты генерал Шлейхер, недовольные вожаки штурмовых отрядов и их единомышленники.

... Как сообщают в прессе, наша авиационная промышленность в 1942 году увеличила выпуск самолётов на *75 процентов*.

26 января 1943 года

...Приходит час серьёзных сдвигов на всём фронте и коренных изменений *всей мировой обстановки в нашу пользу!*.. В ближайшие дни последуют новые удары и успехи.

Финны сейчас сидят тихо и не помогают немцам под Ленинградом. Не могут или не хотят?

Лорд-мэр Лондона приветствует героический Ленинград! Лондонцы пишут, что учатся мужеству у нашего города.

Ходил на почту № 22. Получил *2703 рубля* за статьи в «Красном флоте». Внёс ещё *2000* рублей в фонд Балтийского флота на постройку торпедных катеров...

Юг безусловно и впредь будет направлением *основного* удара: 1) Гитлеру остро нужна Украина – и политически, и экономически; 2) Румыния – нефть! Потеря румынской нефти – крах «оси»; 3) приближение Красной Армии к границам Румынии, Польши и Чехословакии подымет народы этих стран на борьбу с фашистами, может быть, вплоть до восстаний.

Главное командование безусловно рассчитывает на сочувствие народов Восточной и Центральной Европы. Наши южные удары сильно повлияют на Болгарию и на Турцию.

Читал избранные сочинения Ленина, – неизменная острота чувств, динамичность, страстность, чёткость, полёт духа Ленина!

27 января 1943 года

В основном закончена ликвидация немецких армий под Сталинградом... Освобождены *три* железные дороги. Непередаваемы сцены встреч наших войск – сталинградских и подошедших с запада.

Написал очерк о русской морской артиллерии – предисловие к брошюре о морской артиллерии.

В 12.30 поехал *на мотоцикле в город*. Холодный режущий ветер. Обычное восприятие города, – глаз уже привык, утомлён...

Все последние дни немцы непрерывно обстреливают город, а по ночам – бомбят. Новые разрушения...

Знаем, что за всё будет предъявлен *общий счёт*, будет дан *общий ответ* Гитлеру.

Беседовал с переводчиком штаба Н-ской дивизии.

Разведчики всё время добывают пленных («языков»). Испанцы переходят сами: на днях шли пять испанцев; один из них *пел «Катюшу»*, а другой кричал: «*Я – Мадрид!*...»

Взят в плен раненый – лейтенант 21-й немецкой дивизии Гюнтер Барг, сын старого музыканта, члена национал-социалистской партии («*Отец для пенсии записался...*»). Его допрашивали четыре дня. Он держался достаточно твёрдо, спокойно:

– Мы знали ещё летом 1941 года о разногласиях с Россией, но думали, что концентрация наших войск вдоль русской границы – дипломатическое давление... И вдруг – война... (Многого недоговаривал.)

В массе немцы, по мнению переводчика, не знают сути дела. Дисциплина ещё жёсткая...

На Ленинградском фронте немцы хоть и нервничали, но жили по-хуторски: тёплые блиндажи, обжитые места... Всё это полетело к чертям 12 января. Смерть немецким оккупантам!

...В 7 вечера по радио передали о совещании Рузвельта и Черчилля, высшего (американского и английского) армейского и морского командования, их генштабов плюс де Голль, генерал Жиро и пр.

Читал морскую историю России и историю Санкт-Петербурга (неизвестное мне до сих пор издание *1903 года*). Оказывается, *до Петра в устье Невы было до пятидесяти русских селений!*

28 января 1943 года

Утром тревога...

Последние бомбёжки и обстрелы сильно влияют на настроение и психику ленинградцев. Есть что-то недоуменное, усталое, есть раздражение: «В чём дело? Ведь блокада прорвана?»

Ждут прибавки хлеба.

В 11 утра по радио повторное сообщение английского министерства информации о встрече Рузвельта и Черчилля с английскими и американскими военными и военно-морскими руководителями в районе Касабланки. С 14 по 24 января шли совещания и консультации по вопросам наступательных операций 1943 года. Достигнуто единодушие и приняты решения...

Участники совещания разъехались для приведения планов в исполнение. Да, видимо, это Второй фронт. Отношение наше выжидательно-холодное... Конечно, дела под Сталинградом, под Ленинградом, под Воронежем, на Нижнем Дону и Северном Кавказе – программа прорывов, окружений, обходов и ультиматумов – стимулировали союзников. *Сто две* разбитых дивизии Гитлера – фактор чрезвычайно серьёзный.

Есть сведения о приказе Гитлера группам войск на Ленинградском и Волховском фронтах: «Держаться во что бы то ни стало...»

О международной обстановке.

Победы Красной Армии и успехи союзников в Африке коренным образом изменили мировую обстановку, вызвали перелом настроений и перемену политических ориентаций в ряде стран. Союзники Гитлера уже явно начинают вилять и искать выхода из войны.

I. Начнём с нейтралов.

Испания. – Серьёзные колебания. От Франко властно требуют ответа: «С кем ты?» Этого требует и Гитлер, армии которого стоят у Пиренеев; этого же требуют США и Англия, занимающие плацдармы в Западной и Северной Африке и на Гибралтаре (у портов Испании)... Франко оттягивает решение, маневрирует, ведёт переговоры с США – ища поддержки, экономической помощи, денег и т. д.

Турция. – В стране серьёзные политические сдвиги в сторону сближения с демократической коалицией. Италия разбита, Германия подорвана, а у демократической коалиции – успехи крупные. *Определелись позиции Ирака, Ирана, Афганистана...* В турецкой прессе появились статьи за выступление на стороне демократической коалиции.

Гитлер в ответ оказывает давление на Болгарию и стремится вовлечь её в войну, – это тормозит решение Турции. В марте 1943 года – выборы в турецкой меджлис²⁷. Они пройдут под знаком выбора своего пути: *война или нейтралитет*. Во многом дело будет зависеть от обстановки на Восточном фронте.

II. Германия и её вассалы.

Германия. – Перенапряжение всех сил: нефти лишь 60 процентов потребности; мало алюминия; сокращается снабжение населения; остро не хватает транспорта; выдыхаются резервы.

Румыния. – На Восточном фронте *потеряно три четверти румынской армии*. Это серьёзнейший удар! Гитлер терроризирует страну... Румыния нужна ему как поставщик нефти и зерна.

Венгрия. – Из *девяти венгерских корпусов* потеряно на Восточном фронте уже более *шести дивизий* (два корпуса). Это значительная часть венгерской армии. Недавно венгерское правительство решило не посылать больше своих частей на Восточный фронт. В венгерских кругах явная переориентировка на русско-англо-американский блок, внутренняя борьба. *Выдвижение Хорти-сына против Хорти-отца*; аресты недовольных; острый продовольственный кризис. Попытки вместе с Италией нащупать пути выхода из войны, но Гитлер не остановится перед захватом Венгрии и подавлением её «сепаратизма».

Финляндия. – *Крайнее истощение страны*. Правительственные круги ищут выхода... Премьер Рюти заявил недавно, что Финляндия не хочет войны, – она лишь обороняется, и что с СССР глупо конфликтовать. Для Рюти это поворот серьёзный, но *Маннергейм тормозит и противодействует попыткам выхода Финляндии из войны*.

²⁷ Меджлис – парламент Турции.

Италия. – Имела до войны *пятьдесят одну дивизию*, во время войны – *семьдесят пять*. Из них: *одиннадцать* – в России, *одиннадцать* – в Африке; *тридцать* – в Югославии, Греции и две во Франции (это данные на ноябрь – декабрь 1942 года). Сейчас положение резко ухудшилось. Огромные потери на Востоке и в Африке... Растёт оппозиция; оглашаются манифесты с требованием сепаратного мира и демократических свобод, изгнания немцев из Италии, возвращения войск с Востока. В оппозиционный блок входят различные элементы – от коммунистов до католиков и даже часть генералитета. Аресты, террор. Муссолини и Чиано заявили: «Если придётся выбирать между поражением и разрывом с Германией, мы предпочтём поражение». В Италии находятся: Гиммлер, который непрерывно совещается с Муссолини; 90 000 штурмовиков и эсэсовцев и до 300 000 немецких войск. Фактически в Италии введён немецкий контроль.

Франция. – Контакт де Голля и Жиро, хотя оба из различных лагерей. Первый – в контакте с *Англией*, второй – с *США*. Коммунистическая партия Франции дала лозунг объединения *всех* антигитлеровских сил; диверсионной борьбы и подготовки всеобщего национального вооружённого восстания к моменту высадки союзных армий в Европе. Партизанские силы нарастают. Фашисты отвечают массовыми арестами и репрессиями... Франция безусловно располагает кадрами для борьбы: *два-три миллиона мужчин*, если они будут организованы и вооружены, – это сила.

Польша. – Боевые действия партизан Народной гвардии; к 25-летию Октября они передали по радио привет Сталинграду!

Великолепно развёртываются действия Народно-революционной армии *Югославии* и партизан *Албании*.

Таким образом, обстановка накаляется всё больше и больше...

III. *Демократическая коалиция.*

Англия и США. – Непрерывное обсуждение проектов послевоенного устройства мира. Существует ряд конкретно разработанных планов... В США и Англии функционируют *польские, эстонские, латвийские и литовские капиталисты-эмигранты*. Они связаны с реакционными антисоветскими кругами английского и американского общества и стремятся к всяческому ограничению интересов и прав народов Польши, Эстонии, Латвии и Литвы, а также интересов Советского Союза.

СССР – должен прийти к «круглому столу», имея максимальные ресурсы и наиболее выгодные военные и политические позиции. Воля СССР должна быть осуществлена! Сейчас под Ленинградом, Сталинградом, Ростовом, Харьковом, Курском и на других фронтах решается вопрос о роли и влиянии СССР на международной арене, вопрос о нашем существовании вне войн и агрессий на *десятилетия*. *Хватит!*

Ясно, что, несмотря на все трудности, фашистское правительство и командование будут отчаянно сопротивляться, призывая к борьбе за существование Германии и т. п... Борьба потребует ещё многих усилий и жертв. Но решение будет дано на Востоке – Красной Армией. Не *Второй фронт*, а *удары СССР определяют исход войны*. И Гитлер это отлично понимает, направляя *все резервы на Восток*, требуя всё новых и новых дивизий у своих вассалов...

Решение политических, географических и стратегических проблем будущей Европы и других частей света во многом будет зависеть от *народов*, а не от дипломатов. Роль СССР в войне всё яснее народам всего мира. Попытки замазать, умалить значение успехов Красной Армии – бесполезны... Наша цель: *разгром гитлеризма, фашизма* в Европе и предотвращение каких бы то ни было комбинаций, которые смогут грозить СССР реваншем. СССР должен надёжно обеспечить свои границы и свою безопасность.

Бродили с С. К. по городу... Всё новые и новые разрушения... Мрачное впечатление от площади Урицкого; порваны провода, зияют окна на фасаде Зимнего дворца (выбиты уцелевшие ранее зеркальные стёкла). Выбиты стёкла и в здании штаба и в угловом доме на Невском.

Кое-где окна забиты фанерой и досками. На площади – костры: идёт срочный ремонт повреждённой трамвайной линии.

К вечеру на улицах безлюдно.

На Миллионной – тьма, редкие прохожие. Светится одно окно в бывших казармах Преображенского полка. Внезапный луч голубого света (промчалась машина) – и искрящиеся снежинки выхвачены из тьмы.

Пустынно Марсово поле. Где-то разрывы снарядов – вспышки...

В городе по-прежнему наблюдается обострённая реакция на последние бомбёжки: «Что делается? Ещё никогда такого не бывало. *Бьют сильнее, чем в сентябре 1941 года!*...» Видимо, это просто нервы. Были бомбёжки и *посильней*, но общая усталость, перенапряжённость, надежды ленинградцев на передышку после прорыва блокады – дают себя знать.

О России. – Надо до конца прочувствовать русские традиционные черты и факторы последнего 25-летия. Корень всех успехов и побед в сочетании старых и новых качеств: *в уме, выносливости, смелости и силе русского народа*, к которым прибавились качества коллектива сознательных, организованных граждан, патриотов советской страны, людей особого интернационального склада, с широкой человеческой душой, с высокими идеями нового соц[иального] устройства мира... *В советских людях есть нечто неведомое для иностранцев.* Это их и пугает, и притягивает, и волнует. Сейчас интерес к нам необычаен. Прежнего недоверия к СССР не восстановят, хотя рецидивы, конечно, будут.

У нас исключительное место в мире, если брать его и географически. Москва – на скрещении мировых железнодорожных, воздушных и автомобильных дорог сегодняшнего и завтрашнего дня.

В прошлом люди теснились по берегам рек, затем море стало основным средством связи, – отсюда бурный рост средиземноморской и позже – европейской атлантической цивилизации. При наличии современных видов связи и транспорта Москва становится новым мировым центром. Радиусы из Москвы идут на Мурманск, на Варшаву – Берлин – Париж – Мадрид, на Балканы, на Кавказ – Багдад, на Ташкент, на Индию, на Владивосток – Китай.

Послевоенный мир будет поражён нашим экономическим и культурным ростом. Война дала новый толчок нашей научно-технической и вообще творческой мысли – во всех областях. Мы многое проверили – и почувствовали свою мощь в полном объёме. Это чувство силы, душевной полноты необычайно благотворно скажется на всей послевоенной деятельности нашего народа.

Мы не только дали союзникам возможность «переждать» 1941–1942 годы. В сущности Англия *устояла* в 1940 году не потому, что её лётчики сбили в «битве за Англию» 3692 немецких самолёта (как указывает «Британский союзник»²⁸ от 20 декабря 1942 года), а потому, что Гитлер и *тогда* страшился наличия в его тылу Красной Армии и держал на Востоке огромную часть своих сил.

Ресурсы СССР колоссальны... Может быть, это парадокс, но кривая военной мощи СССР, несмотря на все огромные потери, будет идти вверх и вверх.

«В последний час». – Под Касторное отрезаны, окружены и разгромлены *семь* немецких пехотных дивизий и два полка... Под Новым Осколом окружён и уничтожен альпийский итальянский корпус... На Северном Кавказе взят город Кропоткин. Это «подарки» к десятилетию рейхканцлерства Гитлера (30.I.1933 – 30.I.1943)!!

В статье *«Американское общество и Советский Союз»* (журнал «Коммунистический Интернационал», № 10–11, 1942 г.) сообщают о том, что до сих пор с американских экранов не сходят такие картины, как *«Чапаев»*, *«Депутат Балтики»*, *«Мы из Кронштадта»*, *«Человек с ружьём»*, *«Ленин в Октябре»*, *«Ленин в 1918 году»* и др.

---

²⁸ Английская газета на русском языке для советских читателей.

Рузвельт предложил наименовать конференцию в Касабланке – «Конференцией по вопросу о безоговорочной капитуляции Германии, Италии и Японии»; он заявил, что близится наступление на фашизм в мировом масштабе, что объединённые страны уничтожат идеологию ненависти, запугивания и порабощения других народов.

30 января 1943 года

Тихо, пасмурно.

Писал статью о военно-морской деятельности Петра I (в ответ на ошибочный очерк в «КБФ»), но не успел кончить, так как за мной пришёл *Лев Успенский*. Быстро изготовился. Помчались на мотоцикле к Финляндскому вокзалу.

Старый дачный состав отправляется с 4-й платформы до Мельничного ручья. Давно не ездил в поезде... Пурга. Окна заиндевели... Вагоны переполнены: фронтовики, женщины с лесо- и торфоразработок, путейские рабочие. Запахи овчины, махорки (пополам с кленовым, берёзовым и липовым листом), которую у нас добродушно называют «Лесная пыль» или «Золотая осень»... Журчат тихие разговоры. Обняв винтовки и автоматы, дремлют окопники.

Войну начинали молодые кадровики – двадцатипятилетние юноши – свежие, безмятежные... Сейчас лица солдат повзрослели, потемнели. Привалившись друг к другу, спят двое пехотинцев: усатый тёмнолицый казах и светловолосый парень-русак – слитые воедино Азия и Европа.

Мы ехали час с небольшим. Пассажирский состав (его ведёт красавец-паровоз «СУ»²⁹, которому лететь бы через тысячеверстные пространства) остановился в лесу. На станции обычная прифронтовая толчея: лыжники в белых балахонах, пехотинцы, составы с торфом, грузовики... Гудки... Знакомая картина.

Узнали у коменданта, где находится отличившаяся в январских боях батарея капитана Барбакадзе, и пошли по шпалам...

Дышится хорошо, погода мягкая. Вдоль пути работают женщины – прокладывают железнодорожную ветку до истока Невы у Шлиссельбурга. *Женщины Ленинграда!* Хватит ли сил человеческих рассказать о вашем труде, подвиге и велико терпении! Одни тащат по снегу спиленные стволы елей, другие подкатывают по узкоколейке вагонетки... У шалашика из еловых веток пилят полено две старушки, – медленно, неумело, но упорно. Это хозяйки – они стряпают для своей бригады. Им бы, старушкам, сидеть дома, слушать радио, штопать чулки... Вот стоят вагоны, где живут женщины-лесозаготовители. Третий вагон – рыже-красный, со следами пожара, ржавый и, как оспой, покрытый пулемётными пробоинами. Недавно здесь был очередной визит «мессеров».

Ленинграду необходимо топливо, и все эти женщины – стар и млад – безотказно работают, давно перекрыв прежние нормы лесорубов.

Идём дальше и дальше, – мимо старых деревенок, молочных мыз³⁰, где среди заснеженных берёзовых аллей прошлого века стоят молчаливые (пока!) пушки. Вышли на шоссе... Прошлой зимой, в стужу, эта дорога, вся в снежных сугробах, была тяжкой. Встречались десятки перевёрнутых машин, потому что продрогшие, истощённые и переутомлённые водители засыпали на ходу... Сейчас по дороге бегут наши трёхтонки и трофейные немецкие грузовики с порыжевшими брезентовыми верхами. Шоферы что-то весело кричат нам. Предлагают подвезти...

Прошли по снегу 7 километров. Повернули у Кирпичного завода. Навстречу – свои, морячки. Идут из бани – розовощёкие... Увидели и весь эшелон. Стоит матрос-часовой в шубе, но грудь открыта. Улыбка у него ослепительная.

---

²⁹ «Сормовский усиленный» – серия паровозов.

³⁰ Фермы.

По словам Черчилля, в ноябре 1942 года на Западе были скованы *тридцать три немецкие дивизии*.

В Германии и в других районах западной оккупации оставалось *семьдесят семь немецких дивизий*. Если на Атлантическом фронте было *тридцать три дивизии*, то в других пунктах Германии и Европы остаются *сорок четыре немецкие дивизии* плюс некоторое количество итальянских, румынских и др. Значит, из этой массы войск ещё до 50 процентов дополнительно послано на Восток. Воистину мы расчищаем дорогу для Англии и США!

«Чей голос будет преобладать за столом Совета? – вопрошал в 1942 году Страболджи³¹, размышляя о роли России. – Почему, собственно, русские после их страшных потерь и страданий должны считаться с *миром английского языка*?»

По пути в Кронштадт *вице-адмирал Дрозд*, командующий эскадрой КБФ, пересекая на машине в сильный туман залив, попал в полынью (видимо, здесь лёд был пробит снарядами). *Погиб... Горько... Отличный был командир!*

Утром на легковой машине выехали на передний край. Мимо уже знакомого нам деревянного домика станции Кирпичный завод, мимо лесоразработок, по шоссе – на правый берег Невы. На лесозаготовках по-прежнему работают питерские девушки и женщины... Сегодня погода мягкая, работать легко, но в морозы – им трудно.

Миновали ряд контрольных постов; наш бывший передний край: прочные постройки, ряд просек, дорог. Кое-где могилы с памятничками...

В пути, недалеко от Невы, заметил двух пленных немцев, шедших под конвоем автоматчиков. Остановил машину. Коротко допросил их. Пленные – молодые солдаты 28-й лёгкой дивизии. Участвовали в Крымском походе: «В Зимферополь, Альюшта...» (Одежды относительно хорошо. Куртки и брюки из толстой материи, тёплые шапки, обшитые кожей бурки.) Наши конвоиры добродушны, показывают немцам свои полушубки, а потом щупают их куртки: «Эрзац!»

Один из пленных – молодой рабочий с завода «Сименс» из Берлина. Отрицает, что был в Hitlerjugend. Сообщил, что солдаты хотят кончать войну; легко сдаются в плен. О положении под Сталинградом кое-что знает. Когда я сказал ему что фельдмаршал Паулюс и весь его штаб взяты нами в плен, он удивлённо переспросил: «Паулюс?» Видимо, это его поразило...

Немцы держались дисциплинированно, руки по швам, ответы чёткие. Может быть, меня чем-то «взяла» молодость пленного и то, что он – рабочий. Я не чувствовал злобы, только некоторое презрение, жалость и интерес: вот ещё один из гитлеровского мира. Разбив немцев, мы в основном испытываем похожие чувства: удовлетворение, жалость и интерес к немецкому народу. Эсэсовцы и полицейские вызвали бы во мне иное отношение.

Быстро выехали к Неве. Вот рубеж, где стояли наши части с сентября 1941 года! Немцы вырвались тогда к Неве...

Нева тут, у истоков, широка. Здесь я жил летом 1925 года после похода Балтийского флота к балтийским проливам. (Поход с наркомом обороны товарищем М. В. Фрунзе.)

В снежной дали стоит величественный Орешек³², гордая крепость. Флаг, поднятый моряками, развевался над ней – до дня прорыва блокады. Он доставлен с почётными ассистентами в Ленинград – флаг, пробитый пулями, разодранный ветрами... К нему приложен список героев, павших на посту и не отступивших ни на шаг.

По льду Невы, минуя развороченные старые проволочные заграждения, идут машины. Снега́ снега́ и тёмные пятна людей. Вмерзшие в лёд землечерпалки. Где-то близко орудийный огонь... Вправо – разрывы; там, у 8-й ГЭС, идёт ликвидация окружённого немецкого гарни-

³¹ Член английской палаты лордов, лейборист.

³² Название крепости, построенной новгородцами в 1323 году на острове Ореховом (на Ладожском озере). Переименована Петром Первым в *Шлиссельбург*.

зона. Немцы сидят в бетонированных подвалах и упорствуют. Снова грохот разрывов, – и выше крон старых сосен взлетают пыль, дым, щебень и щепки. Это бьёт батарея Барбакадзе.

Пересекли Неву... У края бывших немецких окопов – наш подбитый самолёт. Погибая, он пикировал на немецкий узел сопротивления как раз у подъёма к береговому шоссе. Шапки долой, товарищи!

Идём по прибрежной лесной дороге. Ветер прогнал облака, и солнце неожиданно осветило Неву и мёртвый, сожжённый, искалеченный лес.

Неприятно, что в лесу лежат трупы наших и немцев (всех ещё не успели похоронить). Некоторые убиты на ходу, застывшие глаза раскрыты; один труп обуглен, оторвана кисть руки... Видимо, напоролся на мину...

Мимо нас пробираются по снегу сапёры. Тащат колючую проволоку, брёвна. Великие труженики войны!

По шоссе движутся вперёд «катюши», непрерывный поток людей. Даже, на мой взгляд, слишком людно для переднего края!.. Строят новые укрепления. Уже сделано десять рубежей, чтобы немцы не могли прорваться обратно к Шлиссельбургу и к берегу Ладожского озера. *Везде трофейные команды: изымают в окопах всё немецкое имущество.*

На шоссе девушки-регулировщики беспрестанно указывают флажками – белыми и красными – направления и отдают честь командирам. Эти девушки – образец дисциплины: объяснят всё толково, знают все маршруты наизусть, а в глазах – такая молодость, такой свет, что его не затмят никакие дымы разрывов!

Очередная попытка фашистов вырваться на шоссе к Шлиссельбургу отбита. Между рощей и шоссе догорают и дымят восемь средних танков... Бьёт батарея. С перелётом ложится ответ противника. Низко проходят два «ила». Сапёр вколачивает деревянным молотком указатель-вывеску... Как всё слитно, едино! Какая во всём этом прочность, *именно прочность!* Это ощущение удваивается, утраивается, когда подходишь ближе к Шлиссельбургу.

Осмотрел Преображенскую церковь (бывший немецкий узел сопротивления). Она разбита основательно. Сюда всадили до сотни снарядов. Барбакадзе говорит: «Это наша работа».

Снег здесь окрашен во все тона: кровью, розовой кирпичной пылью, чем-то ярко-жёлтым (остатками взрывчатого вещества?), сажей от сгоревших немецких блиндажей... Стоят обуглившиеся вековые сосны, – из свежих их ран ещё сочится смола.

Везде обрывки шинелей, разбросанное немецкое имущество, газеты, конверты, патроны и т. п. Наши тащат из разрушенных немецких блиндажей брёвна и доски для новых сооружений. Тяжёлые грузовые машины непрерывно подвозят лес... Скоро здесь будут построена железная дорога – по ней мы пустим *первый поезд в Москву!* Это, конечно, ещё не «стрела»³³, это будет фронтовой поезд, но как он нам люб, как мы ждём его! Через Неву от Шлиссельбурга уже выстроен деревянный железнодорожный мост.

Немецкие надписи сорваны. Неделя, две – пройдут весенние дожди, зазеленеет травка, деревья – я уверен – выправятся, отрастут, зацветут, и останется одно воспоминание от *полутрагического* пребывания фашистских оккупантов.

Шлиссельбург разрушен. На сегодня в городе – *триста пятьдесят человек гражданского населения.* (Что с остальными?)...

Я прошёл по центру города, по набережной, побеседовал в управлении милиции, посмотрел работы по расчистке города. Местные жители убирают снег... Судоремонтный завод, ситценабивная фабрика и другие предприятия разрушены, но полным ходом идёт их восстановление. Стук, грохот, визг пил, удары топоров. На февральском ветру поют новые телеграфные провода.

³³ Автор имеет в виду нарядный фирменный поезд «Красная стрела».

Бегут вездесущие мальчишки: «Дяденька, идём покажу, – у нас тут одна гражданка советское знамя сохранила!..»

Вернулись на правый берег. Ощущения крепкие, острые... Беззвёздная ночь. Теплеет... От воздуха, ходьбы, езды, впечатлений я устал и в эшелоне сразу заснул.

2 февраля 1943 года

Оттепель...

Послал вторую телефонограмму С. К. Днём условился, что сделаю доклад для личного состава транспортёра. За обедом в дружеской обстановке провёл политбеседу на международные темы. Вопросов много.

Телефонограмма от генерал-майора Лебедева с вызовом в Смольный. Срочно выехал на машине. Оттепель ещё сильнее... На шоссе обнажились асфальт и брусчатка. В воздухе что-то весеннее...

Смольный. Взял пропуск...

Меня приглашают в салон. Сервирован стол. За столом – Николай Тихонов. Здравуюсь... Оживлённо беседуем о фронтовых делах. Тихонов худой, усталый, но работает упорно. Как обычно, рассказывает острые эпизоды...

Нам сообщили причину вызова: поручение Тихонову и мне – написать ответ лорд-мэру Лондона Сэмюэлю Джозефу на его поздравительное послание Ленинграду.

3 февраля 1943 года

Мутная погода... Плохо спал.

Читаю прессу.

Днём написал очерк в «Правду» – «Ленинград наступает»... На такой очерк надо несколько дней, а ритм жизни быстрый – всё скорей, скорей!

С 4 часов дня на партбюро в Пубалте – вопросы приёма в партию.

4 февраля 1943 года

Ветрено...

Очень тёплые письма от радиослушателей. Звонили откуда-то с Нарвской заставы: «Выступите ещё, привет от двенадцати девушек». Я представил себе этих боевых девчат.

Приехал А. Фадеев. Был у С. К. Привёз нам немного *сухарей, консервов, водки, табаку*...

Рассказывал о московских литературных новостях... О, литературный мир, даже война с Гитлером тебя не изменит!

С утра у меня был редактор «Нового мира» и «Краснофлотца» Щербина. Его командировал к нам Рогов³⁴. Это, так сказать, «литературная разведка». Беседовали о том о сем... Разговор опять свёлся к пьесе. Они полагают, что большую пьесу так просто написать в условиях постоянных ленинградских заданий, поездок, текущей работы и пр. Да и материал меняется на ходу – темпы войны всё больше ускоряются.

Щербина говорил, что вызревания чего-либо нового в литературе пока нет. Видимо, ещё рано, – нужна дистанция... События перехлёстывают через вчерашние оценки. Недавно написанные пьесы или повести – в свете новых событий – уже кажутся менее значительными, вянут. И это понятно.

– В Москве холодно, не хватает дров, во многих домах *вышел из строя водопровод*. Нет ленинградского уменья «зимовать»... (Ну, оно и нам дорого далось!)

---

³⁴ Начальник Главного политического управления Военно-Морского Флота.

Я рассказал кое-что о ленинградской жизни. Щербина поражён трудностью нашего быта... Просит дать материал в «Краснофлотец», хочет перепечатать из «Ленинградской правды» мой очерк «*Город Ленина*» от 22 января 1943 года. Пожалуйста.

Вот и всё! Ощущение от встречи – какое-то «формальное»;

...Наше наступление, в общем, приостановилось: противник подтянул силы, упорствует. 8-я ГЭС опять у немцев... Через несколько дней уточнятся некоторые перспективы для флота. Готовится новый удар Ленфронта, люди спешно выезжают в части.

Я в свою очередь информировал члена Военного совета о литературных делах, беседах с писателями, об их настроениях, о Военно-морском издательстве...

Говорили и о моей работе: нужна пьеса.

Беседа была, в общем, хорошая, деловая, но мне кажется, что контр-адмирал Смирнов опять нажимает с темпами:

– Нельзя ли кончить пьесу к 1 марта?

– Нет!

Коснулись моей рукописи «*Крепость Кронштадт*». Прочтя её, контр-адмирал затребовал из Публичной библиотеки библиографию и материалы о Кронштадте и убедился, что *книги по истории Кронштадта не было*. Моя работа, таким образом, первый вклад, начало. Я вполне понимаю, что это лишь очерк на пять печатных листов, а книгу надо делать листов на двадцать – двадцать пять. Дать советскому читателю широкий литературный, занимательный обзор истории Кронштадта. Это работа будущего, я хочу её сделать.

Фашистская пресса и радио полны воплей о смертельной угрозе... Крайние меры: «*Правительство не может сейчас щадить народ...*» и т. п. Загнанная в угол крыса дерётся с бешенством!..

Война вступает в критическую фазу – это общее ощущение.

Лорд Бивербрук считает, что за время зимнего наступления русские *взяли у немцев 7000 танков и 4000 самолётов*, то есть больше, чем дали американцы и англичане для СССР за двадцать месяцев войны. «Надо усиливать поставки в СССР», – говорит этот лорд. «Самое уязвимое место Германии – на Восточном фронте». (Его замечание не лишено меткости.)

Фашисты и профашисты: «Если СССР к зиме 1943 года не одержит успеха, *он выдохнется...*» (Не беспокойтесь!) «Союзники идут на создание Второго фронта, так как боятся *большевизации Европы*» (!).

Вечером сидел с С. К. – тихий час... Разговаривали усталые. Но всё время мысли о работе, текущих заданиях, и мы, смеясь, говорили: «Ну, вот и отдых». С. К.

привезли из Москвы её халатик, два смятых платья. Она отвыкла от «штатских» вещей; смотрит на них, как на воспоминания о доме и мирной жизни. «Всё плохое, трудное забудется. Встретятся люди, будет тяга друг к другу, стремление к жизни, к обществу, к свету, шуму...» В комнате С. К. тихо... Она топит печурку, поджаривает *присланные из Москвы кофейные зёрна*, рисует... Руки у неё вспухшие, в ссадинах. С тоской, безвозвратно отдаёт свои работы Пубалту: «А на память ничего и не останется...». Жена моя милая... Стойкая и храбрая.

10 февраля 1943 года

Вчера и сегодня противник *обстреливал Ржевку* и другие районы города. В 11–12 утра слышны разрывы и у нас на Петроградской стороне.

Написал радиоречь о моряках.

Был в Пубалте. – Неизменный автоматчик в тулупе, проверка пропусков, в вестибюле дежурный, на трапе – часовые...

В нашей «комнате писателей» оживлённая беседа. Стоит здоровый, седой Лев Успенский – в своём затрапезном кителе; Тарасенков – в продранным тулупчике; всегда улыбающийся Николай Чуковский; *Макогоненко* – в ушанке и шинели и начальник отдела внешней агита-

ции и пропаганды. Говорим об обстановке. Писатели, в общем, всеми правдами и неправдами узнают радиоперехваты и другую закрытую информацию. Нам надо знать и понимать события. Обсуждаем последние новости, служебные и литературные дела.

На фронте. – Немецкие контратаки у Ростова и Краматорска. Противник вводит в дело резервы, стремясь сохранить южные рубежи, Донбасс и не дать нам выйти к Нижнему Днепру. Появляются немецкие дивизии с Запада, из Крыма и пр. Гитлер надеется сдержать наш удар. Как бы не так!..

На Курском направлении наши части вышли на оперативный простор, и здесь возможны *крупные* события.

Работал над материалом для пьесы. Сделал десять страниц записей о действиях морских бригад.

Был режиссёр Пергамент, – недолгий разговор... Принёс мне фото актёров.

Часто думаю о будущем, о послевоенном обществе, о нашем творчестве, труде и о том, какие сдвиги (социальные и исторические) произойдут в европейской и американской жизни... *За эти двадцать месяцев войны СССР шагнул буквально на век вперёд – в смысле духовном, в смысле необыкновенного сплочения всей народной массы, постижения своих сил, сути, предназначения.*

Вчера утром части Н-ской армии, после артподготовки, начали новое наступление на Ленинградском фронте. *Разгромлена испанская дивизия.* Первая линия обороны противника занята. Взят Красный бор. Удар развивается к Саблино. Если будет взят этот пункт, – Мга лишится железнодорожной связи...

Взята Лозовая! Вперёд к Днепропетровску и дальше!

12 февраля 1943 года

Взят Краснодар; перерезаны немецкие коммуникации в Донбассе, взят Ворошиловск.

Ленфронт наступает! Бои за Поповкой. Н-ская армия – впереди гвардейская дивизия Симоняка – ломает немецкую оборону. Нужно захватить *Никольское* на реке Тосна. Навстречу идёт армия Волховского фронта. Немецкая Мгинско-Невская группа может попасть в окружение.

Весь день писал очерк «*Морская пехота*». Минутами хочется писать оду – такие дела, такой героизм!

Сидели у С. К. *Пришли Тарасенков, Азаров и Крон.* Азаров притащил кое-что покушать. Делились впечатлениями за последнее время, рабочими планами. Немного развеселились, но на всех какая-то печать пережитого... Что-то сковывает нас... А как иногда хочется и веселья, и озорства, и ощущения *простора*. Го – ворили о Москве, о ленинградских делах...

Оттепель, тает... За окном ветер, мрак ночной... Беседовали о ходе войны, о будущем Германии...

13 февраля 1943 года

Бодр, выспался...

Сводки отличные... *Взята ст[анция] Красноармейское.*

Общая обстановка.

В целом за двадцать месяцев войны с абсолютной ясностью проверены военные доктрины и СССР и Германии. Ставка фашистов на быструю танковую войну бита. Сейчас СССР противопоставил немцам стойкую пехоту и огромное количество *артиллерии*. Красная Армия работала и применила ряд новых форм артиллерийского боя: и оборонительного и наступательного. За два – два с половиной месяца мы вернули часть территории, потерянной в 1941–1942 годах.

Германия невосполнимо теряет живую силу... Красная Армия истребляет фашистские части. Они потеряли до 50 процентов артиллерии. Фронт немцев от Орловско-Курского района к югу – *раздроблен*, их коммуникации нарушены. Лишь в Ростовском и Ворошиловградском районах ещё удерживаются сильные группировки (прикрывающего типа), но и они попадают сейчас в окружение. Гитлер оголяет европейский фронт и бросает всё на Восток. *Здесь центр мировых событий*. Немецкие части перебрасываются на наш фронт даже *из Туниса (!)*. Там явные «паузы». Англичане выжидают.

Немецкие «верхи» признают своё поражение: Гитлер уже ничего не обещает. Дон, Кубань, Кавказ для него потеряны. Теряют немцы и Украину... В Восточной Пруссии – воззвания к немецкой армии: «*Ржев и Вязьма – ворота в Берлин*».

Разложение в стане вассалов – явное.

На Западе непрерывные проекты и планы, дискуссии об устройстве Европы. Резкое размежевание общественных сил. Анкеты: «Что делать с Гитлером?» Ряд ответов: «*Возить в клетке*». – «*Сослать на Чёртов остров!*» и т. п. Советские люди не анкетируют, а делают своё дело...

Некоторые выводы. – Россия в ряде прошлых войн показала, какие она может поднять силы. СССР показал необычайную *прочность организации, зрелость мысли, высоту духа*.

Набрасываю новые детали пьесы. Контуры её стали несколько чётче. Вчерашний очерк – некая проба... *Так из очерков 1921–1923-го выросли в своё время мои основные работы 1932–1936 годов...*

Вечером зашли Л. Успенский и Н. Чуковский. Они жаждут информации. Рассказал, что мог.

Получил продовольственную посылку – можно будет подкормить С. К. Она очень похудела, но держится и рада своей комнатке, где хоть тихо и можно рисовать после выездов в командировки... *Водопровод не действует, крысы и у неё штурмуют стену, прогрызают её*. Но мы дружно говорим: «Ничего, зиму пережили». И вечные надежды впереди рисуют весну, природу, залитую солнцем...

Читал Роллана. Читаю о древнем Новгороде и Пскове.

14 февраля 1943 года

14 февраля 1918 года был опубликован декрет Ленина о создании Красного Флота. *Сегодня двадцать пять лет моей службы в Красном Флоте!*

Готовлю материал для ТАССа – кончаю очерк о флоте *для газет всего Союза*. Кстати: кое-что мною сделано в жизни и в искусстве, – сейчас надо бы набирать силы для новых работ. Минутами кажется, что вот теперь-то и начнётся настоящее – *абсолютная отдача искусству!*

Раздумья о своём творчестве... О нём писали друзья и враги; но спокойных, бесстрастных отзывов не бывало. Работа моя всегда вызывает споры. Некоторые «друзья» в Москве даже сейчас не оставляют меня своим вниманием: «*Вишневский в Ленинграде чудит: он болен, но не хочет лечиться, отказывается покинуть Ленинград*» (?!). Эх, люди!..

Жить близко к природе, вновь и вновь перебирать всё пережитое и работать! Может быть, вернуться к ранним поискам, перечитать всё, что может вместить мозг, исходить всё, что можно исходить... Неутолённость я чувствую и жажду ощутить простор, бесконечность. Война создала в душе странную стеснённость. Тут дело никоим образом не в «службе», а именно в психофизическом восприятии мира – *раздробленного, разделённого яростью, непониманием и злобой*, которые укротят только время и разум... И как вторичный элемент этой скованности – конечно, фактор *блокады*. Да, двадцать месяцев я почти не вижу, не чувствую широкого, привычного *московского круга людей*, людей политики и искусства. Письма и отдельные краткие встречи с приезжими, – которые сами, так же как и мы, в ещё непонятной всем эволюции, – не утоляют... Духовный голод? Пожалуй, несмотря на *пресыщение* всем виденным и пережи-

тым... Может быть, отсюда временами и «летописный» лаконизм записей в этом дневнике и бездна повторов ощущений... Повторные циклы.

Воздушная тревога... Вой пролетающий истребителей...

Сводка сообщает о сдаче в плен большой группы немцев на Волховском фронте.

На Ленфронте дела идут, взята Поповка. На Тосненском направлении разбита дивизия противника. В дело вступили, помимо Н-ских армий Ленинградского фронта, и волховцы, – идут от Киришей на Любань – Тосно. Явно готовится и Приморская группа, куда переброшен ряд частей из Кронштадта и с северного берега. Хорошо бы к 23 февраля зажать немцев во Мгинском болоте!

На Юге продвижение танковых частей к Волновахе (!). Знакомые, исхоженные мной в боях места!..³⁵

Немцы признали потерю Краснодара и пишут о боях под Харьковом.

К 15 февраля объявлена регистрация всех агроработников. *Готовимся к весеннему севу!*

Утром видел на Каменном острове двух крошек-девочек, лет трёх... Убирают лопатками снег, подражая старшим. Чистые голубые глаза необыкновенно серьёзны...

...Звонок из «Ленинградской правды»: просят отклик на освобождение Харькова. С радостью тут же написал.

Прочёл речь Рузвельта. Он как-то яснее Черчилля. Его слова об изумительной армии России хотелось бы принять в сердце. Но...

17 февраля 1943 года

Из информации. – Мы снова заняли 8-ю ГЭС, 1-й и 2-й Рабочие посёлки.

Из обстановки. – Красная Армия начала удар 19 ноября 1942 года силой двух фронтов – Донского и Сталинградского, затем включились пять, восемь фронтов, а ныне десять (из тринадцати). Сейчас немецкий фронт разорван от Орла до Северного Кавказа. Удары Красной Армии нарастают. Мы начали наступление на фронте шириною в 120 километров, сейчас наступаем на фронте в 1800 километров. (Летом 1942 года немцы смогли наступать только на фронте в 600–700 километров.)

...Источник грандиозных успехов Красной Армии в жесточайшей войне против фашизма: мужество советского народа; его дух, единство, дисциплина, организация, идейность; выдержка и мужество Главного командования, умелое сохранение и применение резервов, преимущество нашей стратегии и тактики. Мы заложили прочный фундамент для победы!

Сейчас мы не уступаем немецкой армии ни в танках, ни в самолётах. Мы превосходим её в артиллерии, миномётах, автоматах и пулемётах. Непрерывно растёт боевой опыт Красной Армии.

...Немцы свели свою стратегию к молниеносным клиньям и «клещам». Для советской стратегии типичен ряд последовательно нарастающих как лобовых, так и фланговых ударов (Очергание немецкого фронта часто само напрашивалось на подобные удары и отсечение выступов.) Советская стратегия разработала интереснейшие принципы использования артиллерии. Советская стратегия разработала методы борьбы с немецкими танковыми массами. Наши истребители танков, артиллерия, ружья и гранаты ПТО³⁶ своё дело делают. Наши танковые массы мы бросаем на истребление пехоты, артиллерии и тылов противника – с крупным успехом. Советская тактика разработала новые принципы боевых порядков...

---

³⁵ В годы Гражданской войны.

³⁶ Противотанковая оборона.

Война выдвинула ряд выдающихся советских полководцев... Ещё не пришло время *до конца* раскрыть сущность нашей стратегии, но уже весь мир говорит о ней, хотя мы видим лишь первые этапы общего стратегического плана...

О тыле. – Красная Армия получила необходимое вооружение в огромном количестве. Мы преодолели трудности с топливом и металлургией. Теперь будут восстановлены Донбасс и другие важнейшие районы. Опыт уже есть (Подмосковный бассейн был восстановлен в *два – два с половиной месяца*). Хлеб у нас есть. Мы не вводили по *всей стране* голодных европейских норм (285 граммов в Германии, 150 – в Италии и т. д.). Сейчас мы получим миллионы пудов хлеба – урожая 1942 года, так как немцы не успели его вывезти. На 1 февраля *народ дал фронту 8 миллиардов рублей добровольных пожертвований*. В марте – новый заём. Активность тыла всё усиливается.

...Реакционные группы в Англии и США ведут кампанию за *буржуазный строй в Прибалтике, Западной Украине и Белоруссии, за буржуазную федерацию в Восточной Европе (Польша, Румыния, Венгрия, Чехословакия)*.

Никаких «федераций» и кордонов против СССР!

18 февраля 1943 года

В Ленинграде к исходу зимы силы людей слабеют: вновь заметно увеличилась смертность. Упорно говорят, что с 1 марта будут повышены продовольственные нормы.

Вёл записи, обдумывал пьесу. Получил ещё ряд заданий к 23 февраля. Как всё успеть?

В 4 часа дня с Пергаментом зашли за С. К... К 5 часам поехали на спектакль Театра КБФ. Несмотря на ряд повреждений от бомб и снарядов, – клуб НКВД в отличном состоянии. Чисто, относительно тепло. Публика одета прилично. Много девушек. Прогуливаются по фойе, – разговоры, смешки.

Я вспомнил Ромен Роллана, горькие желчные слова его о Париже 1916 года, о том, что «подлая» человеческая природа стала привыкать к войне с поразительной гибкостью. Слово «подлая», может быть, подходит к буржуазным слоям Парижа 1916 года. *Наша человеческая природа воистину доблестная и честная. Ленинградцы приняли беды войны просто и достойно. Ленинград живёт, хочет жить и будет жить!*

Я рад театральной толпе, девушкам в хороших платьях, лёгкому флирту в партере. – Жизнь!

Смотрим «Сирано де Бержерак» в концертном исполнении... Романтическая выпренность до меня не доходит, и, лишь в отдельных местах, живое биение сердца Ростана и игра Чеснокова заставили меня восторгнуться.

Какие силы, приёмы, слова, краски понадобятся нам для изображения современности?..

19 февраля 1943 года

Днём работал над очерком о рабочих Кронштадтского завода. Поистине – это молодцы: тема тыла – большая тема...

Получил звание капитана 2-го ранга. (Моё прежнее – бригадного комиссара – равно капитану 1-го ранга.)

20 февраля 1943 года

Наступление продолжается. Сводки скуповатые... Идёт размол на Юге. Гитлер продолжает перебрасывать дивизии с Запада, даже из Южной Франции. *Мы по-прежнему один на один с гитлеровской Европой...*

Написал очерк для «Правды» – «Февраль на Балтике». Взял боевые эпизоды: удар по «Голубой дивизии»³⁷, схватка на льду у форта «П», воздушные бои... Дал копию в «Ленинградскую правду».

7 часов 15 минут. – Партсобрание: отчёт партбюро. В целом работа шла верно, но недостаточно инициативно и напористо. Коротко выступил: о подготовке к летней кампании 1943 года – в море! О командирской чести и о всемерном усилении агитационно-пропагандистской работы. Запросы масс огромны – *интересуются всем*. Политработники должны крепко изучать международные дела и военно-политические проблемы.

Стремит[ельное] движение Красной Армии от Орла до Северного Кавказа. В ряде мест немцы быстро отступают, стремясь «оторваться»...

С. К. сделала хорошее стильное оформление.

После спектакля поехали в новый Клуб офицеров (особняк на Английской набережной). Играет патефон, на экране – старый фильм... Сервис «по талонам».

В 24.00 офицеры надели погоны. Опыта ещё нет – у многих они торчат шире плеч, некрасиво. Надо всё переделать, подогнать. Ещё нет нужного вида, но это придёт в ближайшее время. Наши флотские погоны, как и встарь, хороши: чёрное с золотом.

В зале – офицерская и актёрская среда. Почти забытые запахи кухни, ресторана... Стук бильярдных шаров... На столах – январские журналы. Прочёл отчёт сессии Академии наук и обзор Алексея Толстого: «*Советская литература за двадцать пять лет*». Написано весьма субъективно...

К всеобщему удивлению, я поднял сегодня тост за «серый пиджак»... Конечно, в будущем, – после Победы.

Лунная ночь. Мне хочется на простор, но пока длится война, – я сделаю *здесь* всё, что смогу, в 1943 году дам высшее напряжение всех моих сил. Но крик души: мне хочется быть наедине с бумагой, с самим собой, со своими мыслями. Это так! *Я жил и хочу жить в искусстве*. Меня не тянет на джафовские³⁸ просмотры спектаклей, я знаю, что это «военные эрзацы». Искусство будет завтра!

23 февраля 1943 года

Сдержанный приказ товарища Сталина. Красная Армия *одна* несёт всю тяжесть войны; анализ причин неудач немецкой армии; данные о её потерях: *четыре миллиона убитых, пять миллионов раненых*; огромные потери в технике. *Дефективность* немецкой стратегии. СССР развёртывает резервы. Время работает против фашизма. Не следует упиваться успехами. Враг ещё *не разбит*. Надо бить, преследовать, окружать, уничтожать его; закреплять успехи; усиливать партизанское движение.

Днём прошёлся до Кировского моста. Весенний день, флаги... Встретил детский дом на прогулке – целый выводок крохотных ребятишек. Подымают ручки, пищат: «Здравствуй». Так светло стало на душе, – идёшь и чему-то улыбаешься... А между тем всё время – методический обстрел города (часа четыре подряд). В нашем районе пока тревоги нет.

У Невы – розовые разрывы снарядов и тяжёлый гул среди каменных стен. Новые плакаты – яркие, пёстрые, но удачных мало. По радио передают народные песни. Разгуливают моряки с новенькими погонами на плечах...

В 8 вечера с С. К. на мотоцикле – в город. Звёздная ночь. Летим со скоростью *ста километров в час*

³⁷ Испанская фашистская дивизия, длительное время находившаяся на подступах к Ленинграду, прежде всего в Пушкине и в Павловске.

³⁸ ДКАФ – Дом Красной Армии и Флота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.